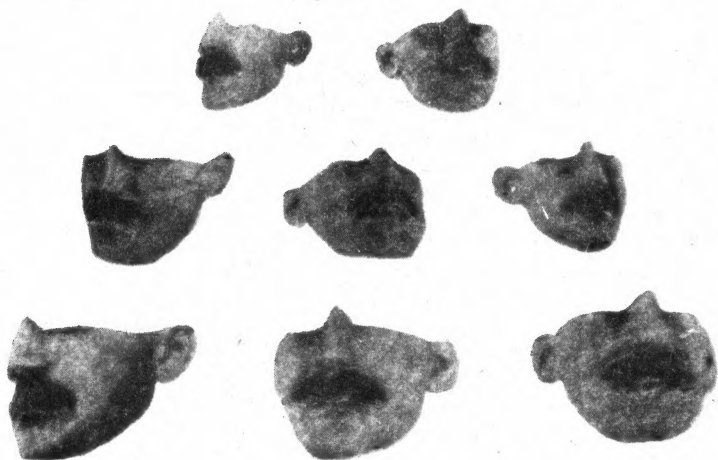

**ПРИГОВОРЕННЫЙ
УМИРАЕТ В ПЯТЬ**

СТАНИСЛАЕ - АНДРЕ
СТУМАН

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Перевод с французского
Оформление Е. В. Хорошаева

ISBN 5-8458-0001-3

© Фирма «РОСА», 1991 г.
© Оформление Е. В. Хорошаева

*Г-ну Полю Фаччендини, судье,
мэтру Жану Виалю, адвокату, и
мэтру Максану Реру, адвокату, чьи
советы провели меня сквозь дебри
судопроизводства*

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ АВТОРА

Персонажи этого романа — вымышленные, и всякое их сходство с современниками, как ныне здравствующими, так и покойными, чисто случайное; равным образом случайными могут быть и совпадения имен и фамилий. Разумеется, повесть написана до проведения судебной реформы.

ПРОЛОГ

Процесс занял пять дней.

Когда присяжные удалились на совещание, предполагаемый вердикт запорхал по залу.

— Дело в шляпе, — прошептал Билли Гамбург в очаровательное ушко Дото (уменьшительное от Доротеи).

Надвигалась гроза, свет лампы то и дело блек от всполохов.

— Шесть десять, — произнес Билли, взглянув на свои наручные часы. — Да что они там, адресами обмениваются?

Шесть двадцать.

Старший судебный пристав потребовал тишины.

— Господа! Суд идет...

Председатель суда стряхнул с себя дремоту. Двенадцать образцовых граждан, призванных решить судьбу подсудимого, гуськом возвратились в зал, заняли свою скамью.

— Господа присяжные заседатели, ответьте по совести и чести...

— Обычная болтология! — скривился Билли, чья шаловливая рука добралась уже до подвязки Дото.

— Тсс, слушай!

Зашла в кашле дама с сиреневыми волосами, прикрывая рот рукой в перчатке.

Старшина присяжных — рыжий, коренастый, с глазами навыкате под стеклами в невидимой оправе — зычным голосом ответил на ритуальные вопросы председателя суда и сел с видом человека, исполненного сознания собственной значимости.

Снаружи донесся визг автомобильных тормозов, там и сям в зале раздались аплодисменты, но быстро потухли.

Подсудимый не выказал ни малейшего волнения. Под устремленными на него взглядами всех присутствующих он все с той же сардонической усмешкой под тонкими черными усиками, которая не сходила с его губ на протяжении всех пяти дней процесса, едва заметно поклонился заместителю прокурора, чем привел в смятение не одно женское сердце.

Очередная вспышка молнии. Первый раскат грома. Публика заторопилась к выходу.

Защитник, мэтр Лежанвье, собрал листки с тезисами и выводами и сунул их в портфель из свиной кожи. По его широкому лбу, застывая белый свет, градом катил пот. Сердце ухало где-то в горле — огромное, больное, не дающее нормально вздохнуть.

— Ваш динамит, мэтр,— напомнила мэтр Лепаж (Сильвия), протягивая ему розовую пилюлю и стакан с водой.

Мэтр Лежанвье с отвращением проглотил пилюлю, запил ее водой из стакана.

— Спасибо, малыш. Вы очень милы...

Нет, никогда ему к этому не привыкнуть.

Так повторялось всякий раз при вынесении вердикта: его охватывала смертельная тревога.

Словно ему предстояло разделить участь подсудимого. Самому быть оправданным или признанным виновным.

Словно он защищал собственную жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

С первого этажа доносилась танцевальная мелодия — подобные ритмы особенно оглушают, когда сам предпочитаешь Дебюсси и Равеля.

Злясь на весь свет и на себя, мэтр Лежанвье судорожно дергал галстук перед псише*, в котором каких-нибудь десять минут назад еще отражалась пленительная Диана в синем вечернем платье. Дрожащие руки адвоката пылали так, что ему пришлось охладить их под струей воды в ванной. Он не то чтобы страдал, но испытывал неотвязное ощущение, что боль может накинуться на него в любой момент.

Вернер Лежанвье страшился этих ужинов «в кругу друзей», где каждый ожидал от него не менее блестящих застольных речей, чем

* Большое зеркало в раме со стержнями, позволяющими устанавливать его в наклонном положении.

его выступления в суде, но не могло быть и речи о том, чтобы Диана лишилась их. Один раз, один-единственный раз, на следующий день после процесса Анжелвена, «обреченного на проигрыш» и в конце концов выигранного, он выразил намерение похитить ее у общества и провести вечер вдвоем в каком-нибудь симпатичном маленьком бистро.

Тогда Диана взглянула на него с непритворным изумлением, словно он сделал ей гнусное предложение. Светило адвокатуры принадлежит не себе, а своим близким и почитателям: известность не дается даром. К тому же она терпеть не могла эти так называемые симпатичные маленькие бистро, будь они итальянские, русские или венгерские, где запахи пиццы, борща или гуляша уже с порога отбивают всякий аппетит и где надо быть одетым «как все», если не хочешь выглядеть белой вороной. Увидев, что муж надулся, Диана приподняла обеими руками волан своей пышной юбки и склонилась в умопомрачительном реверансе, приоткрывшем соблазнительные округлости ее декольтированной груди. «Поклянитесь говорить правду, всю правду, дорогой мэтр! Вы не находите, что в вечернем платье я красивее, чем в скромном костюме? Разве вы не предпочитаете видеть меня роскошно разодетой?» Пятидесятилетний мужчина быстро становится рабом тридцатипятилетней женщины. Тщетны были неуклюжие попытки Лежанвье объяснить ей, что он по-прежнему находит ее красивой, но не осмеливается к ней подступиться, когда находит ее *слишком* красивой. «Вы можете подступаться ко мне каждый божий день, дорогой мэтр, и вы себе в этом не отказываете! Но почему обязательно сегодня?... Вспомните, дорогой, что вы — интеллеktуал! А интеллеktуал должен уметь идти на определенные ограничения!».

Подобного рода фразы прямо-таки бесили адвоката... Когда он, невзирая на глухое неодобрение Жоэллы, чьего совета никто не спрашивал, женился на Диане, ему, незадолго до этого овдовевшему, было под сорок. Медовый месяц: Италия, Балеарские острова, Прованс... А потом его сразил сердечный приступ. К счастью, вдали от нее, когда он защищал клиента в провинциальном суде.

«НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ ТЧК ВОЗВРАЩЕНИЕ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ ТЧК ДУМАЮ О ВАС ТЧК ДУМАЙТЕ ОБО МНЕ ТЧК (ЗАЧЕРКНУТО) ТЧК ВЕРНЕР».

Так ему удалось скрыть, что его сердце уже никуда не годится: колотится из-за пустяков, дает перебои, как мотор с засорившимся карбюратором,— в общем, сдаст первым в еще вполне здоровом организме. Признаться в этом Диане означало бы ее потерять: разница в возрасте стала бы непреодолимой. Тем не менее — и это не на шутку тревожило Лежанвье — Диана (женская интуиция или неудовлетворенная потребность в материнстве?) обращалась с ним то ли как с больным, то ли как с большим ребенком, следила, чтобы он выкуривал не больше десяти сигарет или двух сигар в день («Одна

сигара стоит пяти сигарет», — безапелляционно заявила она), ложился спать в десять, самое позднее в одиннадцать часов, за исключением тех вечеров, когда они принимали «друзей», раз в год в порядке профилактики показывался дантисту и окулисту и без нее не ходил на возбуждающие зрелища — такие, как канкан и стриптиз. «Я люблю вас, дорогой! Я полюбила вас с первой же встречи в буфете Восточного вокзала, когда вы сняли с меня шубку так, словно стаскивали платье. Но я восхищаюсь и мэтром Лежанвье, великим Лежанвье, поборником справедливости, надеждой угнетенных, удачливым победителем в самых безнадежных процессах. Если бы я перестала восхищаться одним, то вероятно, разлюбила бы и другого... Так что, дорогой, никаких симпатичных бistro!»

Никаких симпатичных бistro — так решила Диана. Никаких вылазок вдвоем для мэтра Лежанвье, даже по завершении тех нескончаемых битв с клиентами, с полицией, со свидетелями, с обвинением, с гражданским истцом, с председателем судебного заседания, с двенадцатью образцовыми гражданами, с собственными выводами. Никаких послаблений мэтру Лежанвье на следующий день после выигранного процесса. Смокинг. Крахмальная сорочка, галстук с норовом. Тесноватые лаковые туфли. Сидней Беше, Луи Армстронг. Модные спектакли. Притворно сердечные улыбки добрых друзей, которые поздравляют тебя, надеясь, что вскоре ты свернешь себе шею. Бессменный Билли и его брюзгливый цинизм. Дото. Жоэлла. Мэтр Кольбер-Леплан. X, Y, Z... Кто там еще?

Вернер Лежанвье бросил беглый взгляд на позолоченные настольные часы с боем, стоящие между его собственным спартанским ложем и кроватью с балдахином Дианы. «Старческая мания, — с горечью подумал он, — эта потребность постоянно видеть циферблат». Диана однажды мило заметила: «Для мужчины жизнь начинается с пятидесяти лет, дорогой! Не доверяйте часам!»

Внизу на смену мамбо пришло калипсо.

Вернер Лежанвье в последний раз поправил узел галстука, чем бесповоротно все испортил, и вдруг вздрогнул: в зеркале отразился чей-то незнакомый облик. Лежанвье на два шага попятился, затем сделал шаг вперед. В зеркале отступил, а затем приблизился сутулый мужчина с нездоровым цветом лица, с седыми висками, с выцветшими голубыми глазами.

«Укатали сивку крутые горки, черт возьми!» — как сказала бы Жоэлла, — подумал адвокат.

Пальцами он раздвинул набрякшие бурые веки: белки отдавали желтизной. «Печень», — сказал он себе.

Снизу его принялись звать хором.

Он повернул выключатель, с сожалением покинул комнату, в темноте пересек лестничную площадку, чуть не промахнулся мимо первой ступеньки, подумал: «А ведь я ничего не пил!»

Он ничего не пил, но вынужден был вцепиться в перила, чтобы не потерять равновесие.

Вернер Лежанвье бесшумно проник в свой рабочий кабинет. Как вор. Он испытывал неодолимую потребность сосредоточиться, перед тем как выйти на ристалище.

Он зажег одну лишь настольную лампу, оставив все четыре угла кабинета в темноте, самым маленьким ключиком из связки отпер третий сверху ящик в левой тумбе стола.

Ему улыбнулся тонированный в сепию фотопортрет. Портрет Франсье, его первой жены, креолки с туманными, словно незавершенными, чертами лица, которая не сделала его ни счастливым, ни несчастным, но оставила его — то ли из нелюбви, то ли из лени — с неутоленным чувством. Перед концом жизни Франсье вспыхнула короткой страстью к Жоэлле, хотя и это не побудило ее лучше узнать или сильнее полюбить их дочь: ведь для этого пришлось бы напрягаться, тратить душевные силы.

С момента смерти Франсье не прошло и суток, как Вернер был уже не в состоянии вызвать в памяти ее образ.

В самой глубине ящика стояла початая бутылка «Олд краун», припасенная в предвидении ударов судьбы. Адвокат колебался лишь мгновение; сковырнув пробку пальцем, он поднес горлышко к губам.

Третьим предметом, вытащенным им на свет божий, оказался отпечатанный на машинке рассказ тридцатилетней давности, «Ветры и приливы», — его единственный литературный опыт:

«Конец сентября. В эту пору гостеприимный курорт Рэмсгейт закрывает свои двери перед отдыхающими, чтобы открыть их океану...»

Дальше адвокат читать не стал: продолжение он знал наизусть, оно ровным счетом ничего не стоило.

Зато красная тетрадка — нечто среднее между записной книжкой и интимным дневником, куда он на протяжении многих лет заносил все, что в данный момент казалось ему достойным интереса, — напротив, сохраняла вечную молодость. Достаточно было полистать ее, чтобы обнаружить немало любопытного:

«Группы крови: А — В — АВ — О.

Полиморфизм: обозначает свойство некоторых веществ представлять перед нами в различных формах. Пример: вода, лед, пар и т. п.

Полтергейст: появление, привидение (по-немецки).

По Бертильону: существует 77 форм носа и 190 типов ушей, которые в свою очередь делятся на многочисленные составные части (мочки, скаты, выступы, бугорки, впадины и т. д.).

По Фенберу: бедуйн, чтобы заставить своего верблюда встать на колени, издает нечто вроде протяжного храпа: «Икш-ш, икш-ш, икш-ш!» Чтобы позвать его, он кричит: «Хаб, хаб, хаб!» Чтобы заставить животное тронуться с места, он восклицает: «Бисс!» (трижды)».

Внезапно умилившись, Вернер Лежанвье спросил себя: кого в ту пору могли интересовать распри погонщика верблюдов со своим верблюдом — разве что один из них вздумал подать на другого в суд?

Одно не подлежало сомнению: в ту счастливую эпоху круг его интересов был весьма обширен.

«Женьшень: растение, произрастающее в Монголии, которому китайцы приписывают чудесную способность возбуждать чувственность. Его корень имеет форму человеческого бедра, как утверждают, издает стон, когда его выдирают из земли. (Женьшень — мандрагора?)

«Двенадцать — наши будущие десять» — труд Ж. Эссига о двенадцатеричной системе.

...Возьми златой ты ключ, и одолев ступени,
Дверь отвори шагам твой любви.

(Стюарт Мерилл)

Элен Ж. Водолечебный массаж, тел. Мир 21-24, звонить до 9 утра или после 8 веч.».

Как Вернер Лежанвье ни напрягался, он не мог припомнить, кем была Элен Ж. — той белокурой славянкой, которая, занимаясь любовью, плакала, или же той маленькой брюнеткой со шрамами, которая в праздник 14 Июля бросилась под поезд метро.

Чтобы взбодрить слабеющую память, он снова поднес к губам бутылку с шотландским виски.

Скрип открывающейся двери, бегущий по ковру луч света.

— Дорогой, вы здесь? — (Диана.) — Вас ждут... Что вы делаете?

— Ничего, я...

Первым делом — упрятать «Олд краун».

— Вы готовились выйти на ристалище!

Как хорошо она его знает!

И вместе с тем — как плохо... иначе она не приблизилась бы так неосторожно.

Ему достаточно было подняться, чтобы заключить ее в объятия, пустить нетерпеливые руки гулять по двойному шелку: ее платья и ее кожи.

«Двойной Шелк» — так ему случалось называть ее в постели.

— Дорогой мой мэтр! — сдавленным голосом запротестовала она. — Пощадите вашу покорную прислужницу!

Она, как всегда, издевалась над ним! Разжав объятия, он отыскал ее губы, которые, как он и предвидел, оказались покорными и холодными.

— Вер-нер! — Тон успел измениться.

— Да?

— Прекратите, на нас смотрят!

— Кто?

— Все, из другой комнаты! Оставьте меня!.. Пойдемте...

Оставить ее? Идти за ней?.. Его сейчас обуревало нетерпеливое, как у подростка, желание раздеть ее тут же, на месте, поцелуями не давая возражениям вырваться из ее рта.

— Вернер, стоп!.. Вы пугаете меня!

«Вы пугаете меня...» Эти слова отрезвили его в один миг. Он вновь увидел себя перед зеркалом в спальне, в котором обнаружил новое — постаревшее — лицо.

— Простите меня... Не знаю, что это на меня нашло...

— Зато я знаю: вы молодеете с каждым днем! — вздохнула Диана, разглаживая свой наряд, как дикая утка разглаживает перышки, увернувшись от охотника. Она встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в уголок рта, и обратилась к нему на «ты», что бывало чрезвычайно редко: — Я выгоню их до полуночи, а до той поры потерпи, дорогой! Я... Я хочу этого так же, как ты.

— Правда?

— Клянусь! А теперь пойдемте. Сотрите тут помаду. Вспомните, что вы мэтр Лежанвье, великий Лежанвье... Не забывайте этого ни на миг.

— For he is a so jolly good fellow...*

Их было восемь, они сидели рядом за двойным заграждением из хрусталя и столового серебра и хором горланили эту песенку, поднимая навстречу бокалы: Жоэлла, Билли Гамбург и Дото, мэтр Кольбер-Леплан, Дю Валь, Жаффе, Сильвия Лепаж, Меран.

Опустив руку мужа, Диана быстро переметнулась в другой лагерь, и это она подняла первый тост. Она сказала:

— За моего дорогого мэтра!

Жоэлла непринужденно воскликнула:

— За В. Л.!

С четырехлетнего возраста она звала отца «В. Л.».

Билли Гамбург выразился витиевато:

— За единственного заступника сирот, который регулярно лишает Вдову** ее законной добычи!

Несколько притянута за волосы — совершенно в духе Билли.

Доротея провозгласила:

— За непобедимого поборника невинных!

(Тотчас посмотрев на Билли, вопрошая глазами, верно ли она затвердила урок.)

Мэтр Кольбер-Леплан, старшина адвокатского сословия, торжественно заявил:

— Дозвольте мне, дорогой друг, подтвердить после вашего очередного успеха: вы делаете честь адвокатури и ее старшине... Я пью за самого ревностного служителя Фемиды.

* Потому что он был таким мировым парнем... (англ.)

** Вдова — жаргонное название гильотины.

Это только так говорилось: мэтр не пил ни капли.

«Такого наслушаешься — тошно станет, хоть беги к аферистам в услужение», — подумал Лежанвье.

Дю Валь, главный редактор «Эвенман», произнес:

— Неповторимый успех!

Свою журналистскую карьеру Дю Валь начинал как спортивный репортер.

Жаффе, художник, сказал:

— За четвертичный монолит, который я вижу в черном и кобальте.

«На него и сердиться не стоит», — решил адвокат. Жаффе сам был черным, свою палитру ограничивал черным и кобальтом; его картины в желтых тонах ценились на вес золота.

Мэтр Сильвия Лепаж, держа бокал в вытянутой руке, словно взрывчатку, с придыханием проговорила:

— За самого лучшего наставника, за адвоката от Бога!..

Она с трудом сдерживала слезы умиления.

Мэтр Меран, красный как рак, воскликнул:

— Какая жалость, коллега, что вы родились так поздно! Вы спасли бы от казни Людовика Шестнадцатого!

Очередная глупость!

Вернер Лежанвье незаметно сунул руку под пиджак, пытаясь унять толчки изношенного сердца.

«Вспомните, что вы мэтр Лежанвье, великий Лежанвье... Не забывайте этого ни на миг».

Все, начиная с Дианы, явно ожидали от него, чтобы он разразился блестящей тирадой, которую Дю Валь мог бы напечатать в «Эвенман», но самому Вернеру Лежанвье хотелось бы в ответ отмотать такое, чтобы у них враз вытянулись бы рожи (как сказала бы Жюльетта).

Вывернулся он довольно неуклюже:

— Благодарю вас всех. Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою признательность, но от этого она становится лишь горячее... И позвольте мне все же остаться при более скромном мнении о себе.

Сильвия Лепаж и Меран, его преданные соратники, устроили ему овацию.

Билли Гамбург и Дото, как всегда, остались последними.

— Хочу свозить вас в одну потрясную рыгаловку, которую мы с пацанкой только что откопали, — сказал Билли. — В районе Жавеля, в брюхе старой баржи. Успеем дерябнуть только по стаканчику, зато такой прелести вы, ручаюсь, не пробовали. Настоящая жавелевая водичка! Заодно послушаю, что вы скажете о норове Эжени, моей новой тачки.

Лежанвье обернулся к Диане, ища ее взгляда, но та уже предвкушала Жавель. Ее лицо, озаренное ребяческой радостью, показалось ему еще красивей.

— Сожалею,— сухо сказал он,— но меня ждет работа.— У него сжалось горло.— Забирайте Диану, если она пожелает,— при условии, что вернете ее до рассвета, в целости и сохранности.

— Разве мы не знаем, как обращаться с саксонским фарфором? — ухмыльнулся Билли.

По правде говоря, в кабинете адвокату делать было совершенно нечего — разве что слушать, как стучат внизу высокие Дианины каблучки, ждять, когда Диана уйдет, ждять, когда Диана вернется...

Она вихрем влетела пожелать ему спокойной ночи, посадила ему на нос пятно помады и, прежде чем исчезнуть, одарила напоследок пленительным шуршанием шелка, которое так вскружило ему голову в начале вечера.

Грохот входной двери, со всего размаху захлопнутой Билли, сотряс весь дом. «Билли и Дото, друзья, полученные за Дианой в приданое», — с горечью подумал Лежанвье. Свидетели на их свадьбе, свидетели их личной жизни. Внимательные, преданные, назойливые, маячат перед глазами с утра до ночи — приживалы, да и только.

Нарастающее с каждой секундой сердитое урчанье, рев отрывающегося от земли самолета: Эжени, новая «тачка» Билли, полетела к Жавелю...

Вернер Лежанвье снова открыл красную тетрадку, принялся ее рассеянно перелистывать. Чтобы убить время. А может, для того, чтобы красная тетрадка, это снисходительное зеркало, отразила ему образ вечно молодого Лежанвье.

«Tabloids» — американские бульварные листки, специализирующиеся на светском шантаже.

«Ай Сарай! Пар Жибор!» — так кричат колдуны, вызывая демона.

«Лэм Ки», «Лэм Ки Хоп», «Чон Чикен», «Чон Рустер», «Кок энд Элифент», «Лайон Глоуб энд Элифент» — наиболее известные сорта опия.

«Потребуется девять поколений, чтобы негр начал думать как белый» (генерал Ли).

«Кошка, ждущая все время у одной и той же норы, там и умрет, и мышь, заставляющая ждать все время одну и ту же кошку, тоже умрет» (польская пословица).

«Приди, сожму тебя в объятьях, черная беда,

Недаром мудрецы твердят, что в этом — мудрость»

(Шекспир)».

Цвет чернил, состояние страниц, почерк — то прямой, то наклонный, там небрежный, там старательный — все это давало точную датировку каждой записи, каждой цитаты, вызывало в его памяти тогдашнюю обстановку: его первое Рождество на высоте две тысячи метров, Жансон-де-Сайи, его две комнатки в мансарде на

бульваре Гувьон-Сен-Сир, самоубийство его отца, рождение Жоэлли...

«Почти все смертельно ядовитые алкалоиды — такие, как стрихнин, кураре, мышьяк, морфин, белладонна, — являются так называемыми кумулятивными ядами; это означает, что они долго не выводятся, остаются в организме на протяжении многих недель после приема, даже в разлагающемся трупе.

Эти яды обычно применяются в виде тонизирующих средств, но при вскрытии с помощью реактивов и электролиза всегда можно определить, была ли нормальная доза превышена на один или даже полмиллиграмма.

Отметим, что в некоторых случаях, начиная с дела Вильдье, разбиравшегося в 1881 году, отравителю — в данном случае аптечному провизору по фамилии Ламперёр — удавалось...»

Вернер Лежанье вздрогнул.

В вестибюле настойчиво звонил звонок.

Адвокат сразу понял, что это Диана, которая, запоздало вспомнив о данном ему обещании, под тем или иным предлогом поторопила Билли и Дото отвезти ее домой.

Он на стал тратить время, чтобы спрятать бутылку виски в ящик, а сбежал в вестибюль и распахнул настежь входную дверь...

На пороге высилась мужская фигура, казавшаяся еще больше в свете уличного фонаря напротив.

— Что такое? — пробормотал адвокат, попятившись на шаг. — Кто вы?

— Лазарь, мэтр, — произнес гость. — Воскресший Лазарь.

ГЛАВА II

Вернер Лежанье провел Антонена Лазаря в свой рабочий кабинет. А что ему оставалось делать?

— Вы собрались на покой после трудов праведных, дорогой мэтр?

— Нет, я... я изучал одно досье.

— В таком случае прошу извинить меня вдвойне, но я посчитал совершенно неотложным выразить вам благодарность. Я сидел в баре напротив и дожидался отъезда ваших гостей. Если не ошибаюсь, скромный ужин в кругу друзей, отмечали выигранный вами процесс — то есть мое оправдание?

Адвокат утвердительно кивнул, испытывая одновременно ни на чем не основанное ощущение вины и глухое раздражение.

Лазарь восхищенно огляделся.

— Роскошный у вас кабинет! Настоящий амбир, если я что-либо в этом смысле!

Он уселся в кресло — на долю секунды раньше, чем его

пригласили,— потом вдруг вскочил, подошел к книжным полкам.
— «Пандекты»... «Законы» Платона... «Филиппики» Демосфена... «Рассуждение о методе» Декарта... «Кодекс уголовного следствия»... «Трактат о физиогномике»... «Психология свидетеля»... Лаватер, Франц Гросс, Бертильон, Локар... Черт побери, и вы все это осилили?

Повернувшись на четверть оборота, он теперь разглядывал прищурив правый глаз и воздев левую бровь, фотокарточку Дианы, которая в рамке из красного сафьяна украшала письменный стол.

— Госпожа Лежанвье? Поздравляю, дорогой мэтр! Вот что я называю красивой женщиной: привлекательная, изысканная и так далее!

Еще с первой их встречи на пороге залитой августовским солнцем камеры Вернера Лежанвье покорила развязность его клиента — развязность, граничащая с наглостью. Отказавшись от предложенной узником английской сигареты, он тогда закурил одну из своих «житан» из маисовой бумаги, сухо посоветовав ему подыскать себе другого адвоката. Он рассчитывал на то, что Лазарь бросится извиняться, попытается его удержать, но тот лишь стукнул себя в грудь:

— Так мне и надо! Может, хоть это отучит меня зубоскалить в беде! Выход здесь, мэтр... Осторожней, ступенька!

Неожиданное угрызение совести приковало адвоката к месту.

— Я хочу правду, всю правду! Вы убили эту женщину — да или нет?

— Нет, но, боюсь, я не сумею сказать этого с подобающей убедительностью. Клянусь честью, нет! Хм, звучит отчего-то фальшиво в нашем велеречивом мире, не правда ли? Я словно пытаюсь всучить стиральную машину!

— Разве не в этом состоит ваше ремесло?

— Прикрытие, мэтр, не более того! И вот вам доказательство: чем дольше я заговариваю очередной домохозяйке зубы, тем недоверчивее относится она к техническому прогрессу. К тому же мне страшно не везет: я путаю марки!

Невиновность человека определяется отнюдь не тоном, каким он говорит.

Лазарь словно выступал на захудалой провинциальной сцене.

Вот тогда-то Вернер Лежанвье и решил купить у коммивояжера норовистую «Белоснежку» — взять на себя его защиту.

Лазарь выложил на стол маленький белый сверток, перевязанный тонкой золоченной тесьмой кондитера.

— Вот, принес вам безделушку. Так, суший пустячок.

Остро наточенным перочинным ножом Лежанвье перерезал тесьму. В свертке оказался серебряный портсигар, на котором были выгравированы его инициалы.

Лазарь исподлобья наблюдал за адвокатом.

— Вам нравится, дорогой мэтр? Я заказал его у Картье еще до процесса, иначе, сами понимаете, не смог бы презентовать его вам вовремя! — беззаботно заявил он, вытягивая свои длинные ноги и заглаживая пальцами и без того безупречные складки на брюках. (Еще в камере адвоката поразили его неброская элегантность и то внимание, какое он уделял своему внешнему виду.) — Весомое свидетельство доверия накануне часа «Ч», не так ли?

— Благодарю вас,— заставил себя выговорить Вернер Лежанвье.— Я очень тронут.

— Да бросьте! — усмехнулся его гость.— Откройте. Вы попросту не любите английских, а?

В портсигаре находились «житан» из маиссовой бумаги, чем адвокат был по-настоящему тронут.

— Выпьем? — предложил он.

— С удовольствием.

В третьем ящике левой тумбы оказались и два прозрачных пластиковых стаканчика.

Дрожащей рукой адвокат наполнил их до краев.

— Ну, что ж... За ваше воскресение!

— Ваше здоровье! — откликнулся Лазарь.

В тюрьме ему, бог знает как, удалось загореть, глаза его под тяжелыми веками оставались ярко-синими, ему нельзя было дать и тридцати лет, хотя на самом деле он подбирался к сорока.

Одним глотком он опорожнил стаканчик и посмотрел сквозь него на свет.

— Вы всякий раз даете себя вот так околпачить, дорогой мэтр?

Лежанвье нахмурил брови:

— Простите?

— Тот, второй, который дожидался моего ухода, чтобы ворваться к Габи и сделать свое черное дело, оставив все улики против меня,— вы действительно поверили в его существование?

— Разумеется,— ответил Лежанвье.

— Когда вы заставляли Мармона и Ван Дамме отказаться от своих показаний, упирая на близорукость одного и на тугоухость другого, вы вели честную игру?

— Да.

— И когда вы подняли инспектора Бефа на смех, это было искренне? Вы действительно сочли его бездарью? Вы не пытались вешать присяжным лапшу на уши?

— Нет.

— Короче говоря, вы с самого начала поверили в мою невиновность?

— Да, иначе я не стал бы...

— Вот придурок! — сказал с восхищением Лазарь.

Постепенно адвокат начал воспринимать и свет настольной лампы, и тиканье часов, и чернильный запах, исходивший от бювара.

— Оклемались, дорогой мэтр? — сердечно осведомился Лазарь. — Держите-ка, это одна из тех розовых пилюль, которые вы то и дело таскали из жилетного кармана во время процесса. Глотайте!.. Вам лучше — или, может, вызвать врача?

— Не надо никого вызывать. Отодвиньтесь.

Лазарь покорно уселся в свое кресло.

— Рассердились?.. Ну конечно же... Мне следовало сначала подготовить вас, а не рубить вот так сплеча. Заметьте, дорогой мэтр: когда вы посоветовали мне поискать другого законника, я и пальцем не шевельнул, чтобы вас удержать. Тут вы обязаны отдать мне должное. Вы уже собирались уходить, но напоследок спросили, я ли убил эту чертовку Габи, и...

— Вы ответили «нет».

— Это же золотое правило: «Никогда не признавайтесь!». Или мне надо было признаться, пообещать вам, что я больше так не буду?.. Кто из нас двоих рисковал головой?

— Лично я признался бы...

— *Pereat mundus, fiat justitia**, верно? И сколько я получил бы за свою честность — это еще при условии, что мне удалось бы ускользнуть из лап Дейблера? Лет двадцать?

— Может быть, меньше, если бы вы признались мне во всем.

— А может, больше?

Адвокат промолчал.

— Как-нибудь в следующий раз! — усмехнулся Лазарь.

«Мерзавец! Гнусный негодяй!» — подумал адвокат.

Его преступление нельзя простить. Габриэлла Конти, которая была старше его на двадцать лет, ухаживала за ним как мать. Обманутая, поруганная, она совершила лишь одну ошибку: перестала снабжать его деньгами.

А он прекратил ее существование, перерезав ей горло.

Как и всегда, когда чувства грозили возобладать над рассудком, Вернер Лежанвье подверг себя допросу.

Чем вызвано его внезапное обращение к Лазарю — ужасом, который внушает ему это преступление, или же тем, что его самого обвели вокруг пальца: впервые за всю свою долгую карьеру защитника мэтр Лежанвье добился оправдания убийцы, считая его невиновным, и тем самым, пусть и невольно, не дал свершиться правосудию?..

«За единственного заступника сирот, который регулярно лишает Вдову ее законной добычи»...

«За непобедимого поборника невинных»...

«За самого ревностного служителя Фемиды»...

* Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие (лат.).

Незаслуженный лавровый венок, который теперь впору разве что ощипать — да в подливу.

«Неповторимый успех!»

Что верно, то верно — если только его не обведут вокруг пальца сразу двое таких Лазарей!

Может быть, его друзья так об этом и не узнают, но «великий Лежанвье» только что наконец свернул себе шею.

Без свидетелей, один на один с наглым прохвостом.

Но когда тебя зовут Лежанвье, от этого боль не становится менее острой.

— Вон отсюда! — скомандовал адвокат. — Убирайтесь, пока я сам вас не вышвырнул!

Потом его вдруг осенило, и он похолодел.

— Вы оправданы. К чему эта запоздавшая исповедь? Чтобы заставить меня мучиться угрызениями совести, понудить уйти в отставку?

Лазарь прикинулся жеманной барышней:

— Тсс, вот вы и опять побледнели! Выпейте глоток, дорогой мэтр, это вас взбодрит... В срочных случаях некоторые кардиологи, не обремененные предрассудками, за неимением под рукой лучшего лекарства прибегают к виски. Лично я, впрочем, лучшего лекарства не знаю.

Лежанвье выпил. Интересно, как Лазарь подготовил Габи Конти к тому, чтобы перерезать ей горло? Также попытался усыпить ее бдительность убаюкивающим бормотанием?

— Говорите! — сдавленно проговорил он. — Чего вы от меня хотите? Даю вам пять минут.

Убогая самозащита. Лазарь не спешил. Прищурился правым глазом, он вопросительно изогнул левую бровь:

— Вы ожидаете скорого возвращения госпожи Лежанвье? Вы назначили ей какой-то час? Между нами говоря, я бы здорово удивился, если б она вдруг решила пожертвовать хоть минутой из опущенного ей времени...

— Я просил вас уточнить цель — истинную цель — вашего визита.

— Сейчас, сейчас, дорогой мэтр! Но для начала... попытайтесь ненадолго влезть в мою шкуру, которая, быть может, немногого стоит, но другой, увы, не найти...

«Гнусный негодяй, последние четырнадцать месяцев я только этим и занимался: пытался влезть в твою шкуру, шкуру несчастного, которого несправедливо обвиняют в убийстве...»

— Сколько километров можно отшагать в камере! С первого же дня меня сверлила одна мысль: вновь увидеть Париж, подышать его воздухом.

«Все то же убаюкивающее бормотание».

— Постарайтесь покороче. Не забывайте, что дело уже закончено.

Лазарь покачал головой с видом человека, которого не поняли.

— Как вы мне нравитесь, дорогой мэтр! Чем ближе вас узнаю, тем больше ценю. Вы умеете всего одним словом, всего одним жестом вызвать к себе симпатию, внушить доверие. Уж вы-то не посеели бы у домохозяйек неверие в прогресс. Заметьте, что и я вам в глубине души нравлюсь... Может быть, против своей воли, как любят, проклиная себя, ребенка-шалопая... Самым достопочтенным родителям порой приходится иметь дело с таким сыном-негодяем, по которому веревка плачет... Как люди рассудительные, они жертвуют малым ради спасения главного: отсекают палец, чтобы не лишиться руки...

— Вы закончили? — спросил Лежанвье, уперевшись руками в подлокотники. — В таком случае...

Он и так уже долго терпел. Не хватало еще, чтобы Диана застала этого проходимца в его кабинете.

Но Лазарь раньше его оказался на ногах.

— Глух и слеп, а? — уже ядовито бросил он. — Вам перевалило за полста, мне нет и сорока. У вас барахлит сердце, вы мааетесь одышкой. Я же здоров как бык. Так что выгнать меня у вас кишка тонка. Другая аксиома: мы с вами отныне гребем в одной утлой лодчонке. Неосторожный взмах веслом, лодчонка опрокинется — и мы с вами окажемся в воде...

Постепенно Вернер Лежанвье начал понимать, чего добивается от него поздний гость. Быть может, первое предчувствие осенило его, когда он развязывал золоченую тесьму на маленьком белом свертке?

— Шантаж, — произнес он спокойно, как объявляют очевидное. — Сколько?

Лазарь в очередной раз прикинулся оскорбленным:

— Вы ошибаетесь на мой счет, дорогой мэтр! — Но ему не удавалось вернуть себе бывшее хладнокровие, напаять прежнюю личину. — Я допускаю, что Картье поверил мне в долг под вашу репутацию, что я остановился в отеле, который мне не по карману, что с гонораром вам придется немного повременить. Но в этом мире деньги — еще не все! Знаете, о чем я мечтал на скамье подсудимых? О вещах, которые не купишь, которых я был лишен на протяжении всей своей жизни, которые сделали бы меня совсем другим человеком. Что это за вещи? Горячая симпатия, полезные знакомства, гостеприимный дом, наподобие этого, где при желании можно расслабиться, отдохнуть душой... Ведь вы же не спихнете меня в яму сразу после того, как оттуда вытащили, дорогой мэтр? В конце концов, выручить бедного запутавшегося типа — разве это не накладывает определенные обязательства на его богатого спасителя?

Пока его собеседник чередовал угрозы с уговорами, перед

внутренним взором Вернера Лежанвье разрозненные кусочки мозаики постепенно сложились наконец в цельную картину.

— Я же спросил у вас: сколько?

Лазарь, пожав плечами, заговорил примирительным тоном:

— Ну, раз вы так настаиваете... Ваш портсигар потянет тысяч на сто*, но Картье может и обождать... Пять тысяч франков в день улетает за номер в отеле «Швеция», пока я не снял квартиру... Мне нужны два или три костюма, максимум четыре, белье, туфли, карманные деньги. Бывшей госпоже Лазарь я должен алименты в размере двадцати тысяч в месяц, и она уже требует недоимку... Короче, чтобы вас не слишком обременять, пятьсот тысяч наличными.

Лежанвье сознательно дал Лазарю возможность выговориться до конца. Вспыхнувшая однажды ненависть должна чем-то питаться. А еще ему непременно нужно найти способ, как отразить удар.

— Предположим, вы их получите. Что я приобрету взамен?

— Гробовое молчание, дорогой мэтр, гарантированное соблюдение тайны. Верное средство против моих угрызений совести.

— Ну а если я их вам не дам?

— Тогда мы вместе пойдем ко дну, и уж тогда кусайте себе локти...

— Понятно.

Лежанвье протянул руку к телефонному аппарату, снял трубку, набрал номер.

— Куда вы звоните? — встревожился Лазарь.

— В полицию.

— Зачем?

— Чтобы попросить ее избавить меня от вашего опостылевшего мне присутствия и ознакомить ее с вашими запоздалыми признаниями. «Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие!» Ведь вы сами предложили мне этот девиз, не так ли?

— Да, но...

— Поймите же, — терпеливо объяснял Лежанвье. — Я представлял ваши интересы на процессе исходя из вашей невинности, но ваше несправедливое оправдание полностью развязало мне руки. Теперь мне в качестве простого свидетеля позволено вас изобличить.

Проворным движением Лазарь прервал соединение.

— *Memento***, дорогой мэтр! На досуге и я полистывал кодекс... Я признался в убийстве не своей консьержки, а этой паршивки Габри. Другими словами, я всего-навсего беседовал с вами о деле — неважно, прекращенном или нет, — в котором вы защищали мои интересы, и, что бы я вам сегодня ни доверил, вы остаетесь связанными профессиональной тайной. Всякое иное ваше поведение

* Во всем повествовании речь идет о старых франках. (Прим. автора.)

** Минутку (итал.).

было бы строго осуждено Коллегией адвокатов и вашей совестью честного человека.

Вернер Лежанвье утер лоб — не столько по необходимости, сколько для того, чтобы скрыть замешательство. Парируя его ответный удар, Лазарь в очередной раз попал прямо в яблочко. Что и говорить, в адвокаты он сумел выбрать именно такого олуха, какой требовался!

— Ну так как, дорогой мэтр? Будем дружить? Вы даете мне шанс?

Лежанвье успел овладеть собой. Он пожал широкими плечами:

— Если я бессилен против вас, то и вы бессильны против меня. Я хочу лишь одного, — вдруг рассвирепев, добавил он (впрочем, разве не Лазарь задал тон?), — а именно: в один из предстоящих дней вновь увидеть вас на скамье подсудимых, но самому на этот раз представлять интересы гражданского истца. Заберите этот портсигар, я освобождаю вас от уплаты гонорара.

Вместо ответа Лазарь в свою очередь снял трубку телефона, набрал номер.

— Куда вы звоните? — встревожился Лежанвье.

— На набережную Орфевр. А потом, с вашего разрешения, — на радио и на телевидение.

— И что же вы им скажете?

— Правду, дорогой мэтр. Что я на самом деле зарезал Габриэлла Конти, что угрызения совести не дают мне уснуть, что я решил оплатить свой долг перед обществом. Одним словом, все, что вам запрещено им говорить... Алло, уголовная полиция?

Теперь уже Лежанвье положил тяжелую ладонь на рычаг телефона.

— Подумайте! — Адвокат брал в нем верх над человеком. — Вас снова будут судить. Вы рискуете головой.

Лазарь повторил набор номера.

— Тсс, дорогой мэтр! Скажите, на протяжении вашей долгой карьеры вы знавали много таких отчаянных парней, которые добивались бы пересмотра уже выигранного дела, объявляли бы себя преступниками после того, как их признали невиновными? Я всегда мечтал стать знаменитостью, попасть на первые полосы газет. Меня снова будут судить? Пускай. Но на этот раз — перед целым сонмом присяжных, среди которых будут знаменитые писатели, психоаналитики, блестящие репортеры, фотографы, кинооператоры. И не найдется больше преступника, который был бы так блистательно оправдан. «Волнующее признание раскаявшегося убийцы! Лазарь, или Воплощение совести!..» Честно говоря, мэтр, я спрашиваю себя, что побудило меня делиться с вами своими проблемами, тогда как достаточно двух-трех телефонных звонков, чтобы их решить.

Вернер Лежанвье со все возрастающей тревогой тоже начал задаваться этим вопросом. Вслух же он сказал:

— Не надейтесь, что вы так легко отделаетесь! Запоздалой откровенностью не загладишь прошлого двуличия...

Лазарь прикрыл правый глаз, вопросительно вздернул левую бровь:

— Какое двуличие! Дорогой мэтр, освежите ваши воспомина-ния. С самого начала я решил держать ответ перед правосудием. Если я в ходе процесса и передумал, то это под дружеским давлением моего советника, великого Лежанвье, который, гарантируя мне оправдание благодаря его искусству и авторитету, *убедил меня не признавать себя виновным*. И с этой минуты уже не повторный процесс надо мной, а вновь открывшийся процесс *над вами* привлечет несметные толпы. Согласен, вы будете все отрицать, возражать самым энергичным образом. Но, скажите на милость, кто из нас двоих имеет больше шансов быть услышанным? Раскаившийся, измученный бессонницей человек, который бросил на весы собственную жизнь, или же краснойбай адвокат, ремесло которого в том и состоит, чтобы лгать всем и вся?..

«Я люблю вас, дорогой, но я восхищаюсь и мэтром Лежанвье, великим Лежанвье, поборником справедливости, надеждой угнетенных, удачливым победителем в самых безнадежных процессах. Если бы я перестала восхищаться одним, то, вероятно, разлюбила бы и другого...»

— Негодяй! — сказал Лежанвье. — Гнусный негодяй!

На этот раз — громко и отчетливо.

Помимо поблекшей фотокарточки Франсье, красной тетрадки, бутылки шотландского виски, пластиковых стаканчиков и других необычных предметов, третий ящик в левой тумбе стола содержал зарыженный автоматический пистолет.

Адвокат ощупью отыскал его и в полумраке ящика снял с предохранителя, но тут во входную дверь трижды позвонили. Дзинь, дзинь, дзинь.

— Не хватайтесь за топор. Ставлю десять против одного, это госпожа Лежанвье, — произнес Лазарь.

Лежанвье отпер входную дверь, и тотчас его прохватило холодом. Кромешная тьма.

— Это ты?

— Ну а кто же еще?

Жизнерадостным вихрем Диана ворвалась в кабинет и вмиг застыла.

— Кто здесь?

Лазарь поднялся и изогнулся в изысканном поклоне.

— Вы представите меня, дорогой мэтр? Впрочем, это, может быть, и ни к чему: мадам, наверное, видела меня на суде? — продолжал он на одном дыхании, завладев рукой Дианы и поднося ее к губам. — Я многим обязан мэтру Лежанвье, и в первую очередь — такой встречей... Как вам Жавель?

— Там сыро,— ответила Диана.

— И сверх меры расхвалено, не так ли? Я знаю места получше.

— Надо было бы пригласить его к нам на ужин,— задумчиво сказала Диана, когда Лежанвье выключал светильник в форме тельпана между их кроватями.— Я нахожу его весьма симпатичным.

Ответа не последовало.

— Вы сердитесь на меня, дорогой, за то, что я поехала с Билли и Дото? Потрясное местечко.

Снова молчание.

— Дорогой! Вы спите?

Вернер Лежанвье не спал. Он думал о Лазаре.

Лазарь тоже оказался в своем роде «потрясным».

ГЛАВА III

Спустя несколько дней, приглашенные неугомыми Билли и Дото, Вернер и Диана Лежанвье провели вечер в «Астролябии», только что открывшемся кабаре-дансинге, и вернулись часа в три ночи. Водить Лежанвье не любил и оставлял свой «мерседес» в гараже всякий раз, когда можно было воспользоваться чужой машиной. Доставив домой сонную Дото, Билли вызвался их подвезти.

— Как насчет night car*? — предложила ему Диана, когда они прибыли к месту назначения.

— С удовольствием, богиня! Если только мэтр не слишком устал...

И впрямь измотанный, адвокат не раз предпринимал тщетные попытки положить конец сегодняшнему кутежу — даже вознамерился было вернуться домой один.

— Ему тоже не помешает night car... Не правда ли, дорогой мэтр?

Лежанвье промолчал. Он смотрел на Диану, легко взбегавшую по лестнице — у нее были самые красивые на свете ножки, — и мысленно обрекал Билли на все муки ада.

— Возьмите на себя роль бармена, Билли, и не забудьте настойку ангостуры**, да побольше. Вы ведь знаете мой вкус. А я только смену туфли и выйду.

Двое мужчин прошли в гостиную с несколько принужденным видом, как и всегда, когда они оставались наедине: Билли побаивался нарваться на грубость, Лежанвье — показать себя ревнивым мужем.

* Стаканчик спиртного на ночь (англ.).

** Ангостура — южноамериканское деревце, кора которого обладает тонирующими и жаропонижающими свойствами.

Первый направился к бару, второй включил все лампы, потом радиоприемник.

Оба готовы были спорить, что Диана сменит не только туфли, но и платье, а может быть, и прическу. И оба проиграли бы.

Она спустилась очень быстро, растерянная.

— Вернер!.. Ее дверь была приоткрыта, я толкнула ее... Жозеллы нет дома!

У адвоката, больше раздосадованного, чем встревоженного, все-таки кольнуло сердце.

— Разве она сегодня не у подруги?

— Да, у Жессики Оранж. Но ведь вы знаете, какие у той допотопные предки. Фабрис всегда привозил Жозеллу к полуночи, за исключением одного воскресенья, когда он приехал с ней во втором часу ночи. Вы в тот раз так напустились на беднягу, что он весь побелел.

— Белый Оранж — это недурно! — ввернул Билли.

Лежанвье пропустил эту реплику мимо ушей: он уже снял трубку телефона и крутил диск.

— Алло? После нескончаемого ожидания произнес на том конце провода заспанный голос. — Повесьте трубку, вы ошиблись!

— Фабрис Оранж?

— Он самый. Говорите тише. Мама спит, а папа ей помогает.

— Это Вернер Лежанвье. Извините, что я звоню так поздно, но дело в том, что Жозелла до сих пор не вернулась. Она вроде бы собиралась провести нынешний вечер у вас?

Фабрис Оранж принялся бормотать что-то невнятное.

— Что он говорит? — забеспокоилась Диана. — Не отступайте, пусть выложит все начистоту!

Лежанвье слушал, нахмутив брови: его собеседник никак не мог закруглиться.

— Благодарю вас, мой юный друг, для своего возраста вы не так уж неумело лжете! — сухо заключил адвокат и положил трубку.

— Что сказал Фабрис? — снова спросила Диана.

Лежанвье пожал плечами:

— Сказал, что привез Жозеллу сюда в обычное время, к полуночи, но он явно обеспечивал ей алиби. Обычная круговая порука молодых... Совершенно очевидно, что сегодня Жозелла была не у Оранжей.

— А где же?

— Я бы и сам хотел это знать.

Лежанвье не любил Жозеллу, которая нисколько не походила на него — как, впрочем, и на Франсье. Тем не менее он гордился тем, что дал ей хорошее воспитание, не скупился ни на ласку, ни на нравоучения, как в доброе старое время. Когда она увлекалась танцами, он оплачивал ей учителя. Когда она охладела к танцам, он принялся водить ее по музеям, а когда ею овладела страсть

к живописи, он оплатил ей долгое пребывание во Флоренции и в Риме. Когда она покончила с Италией — и с живописью, — он начал бывать с ней в «Комеди Франсез», в концертном зале «Плейель», в знаменитых кафе на площади Сен-Жермен-де-Пре, позволяя ей веселиться до изнеможения. Само собой разумеется, до *его*, Вернера, изнеможения. Такой же старомодный отец, как Филибер Оранж, он не отказывал дочери ни в чем, кроме ночных пирушек, но сейчас, на пороге своего восемнадцатилетия, Жозэлла, похоже, решила разрушить стены темницы...

— Говорила же я, что эта маленькая негодница водит вас за нос! — с неожиданной злобой воскликнула Диана, призывая Билли Гамбурга в свидетели. — И вот результат вашего либерального воспитания! В кои-то веки возвращаемся домой в три часа ночи, и вам приходится звонить посторонним людям, чтобы узнать, куда запропастилась ваша дочь!

Диана отвечала Жозэлле такой же неприязнью, но уж это в объяснениях не нуждалось. Жозэлла находила Диану некрасивой и вульгарной, как и всех женщин, окружавших ее отца; чтобы Жозэлла, которая была если не красивее, то, во всяком случае, моложе Дианы, не устроила на свадьбе скандал, ее пришлось отправить в Савойю, к дальним (как в прямом, так и в переносном смысле) родственникам.

— Без четверти четыре! — кисло заметила Диана. — Не мне вам советовать, дорогой мэтр, но, будь Жозэлла моей дочерью, я обратилась бы в полицию...

Лежанье пребывал в нерешительности. Сердце колотилось у самого горла.

— Выпейте глоток, дорогой мэтр! — вмешался Билли — он еще был здесь. — И позвоните... Лапушка права...

Лапушка?.. Правда, Билли Гамбург называл так всех женщин, но все же момент для подобной фамильярности, как показалось Вернеру Лежанье, был выбран неудачно. Позволил бы он себе когда-нибудь назвать «лапушкой» Дото?..

— Алло! — нетерпеливо выкрикнул адвокат в трубку. — Алло!

— Уголовная полиция, — отозвался равнодушный, но властный голос.

Лежанье положил трубку на рычаг. Он вдруг понял, с кем ушла Жозэлла, и счел, что блюстителям порядка это знать совершенно необязательно.

Пять часов утра.

Билл Гамбург наконец убрался — после слезливого звонка Дото. Диана с сожалением поднялась в свою комнату.

У дома с визгом затормозил автомобиль и укатил прежде, чем в замочной скважине звякнул ключ. Тихонько отворилась и затворилась входная дверь, и по плиточному полу вестибюля бесшумно заскользили мягкие мокасины.

На пороге своего кабинета показался Вернер Лежанвье — он успел облачиться в тонкий домашний халат, который только подчеркивал его тучность.

— Жоэлла!

Девушка, которая поднялась уже до середины лестничного пролета, удивленно обернулась.

— Привет, В. Л.!

— Мне нужно с тобой поговорить.

— В такое время? А завтра нельзя?

— К сожалению, нет.

— Ну, давай — вздохнула Жоэлла.

Адвоката, как всегда, покорибил наряд дочери — короткое пальто с капюшоном и джинсы, — делавший ее таким неудавшимся мальчишкой.

— Где ты была?

— Какая разница?

— Я спрашиваю: где ты была?

— В «Розовой розе» — это тебе что-нибудь говорит?

— Рок-н-рольное кабаре?

— Да, самое модное.

— И... кто же привез тебя домой?

Жоэлла подошла к креслу, плюхнулась в него, повернула колпак торшера, чтобы свет не падал прямо на нее, закинула ногу на ногу и закурила вытасченную из кармана измятую сигарету.

— Допрос третьей степени, В. Л.? В таком случае я буду говорить только в присутствии *своего* адвоката!

Лежанвье, который стоял за письменным столом, упирався в него ладонями, с большим трудом сдержался.

— До сих пор я, кажется, не злоупотреблял своими отцовскими правами, — сказал он, взвешивая каждое слово. — Вероятно, я даже грешил излишней снисходительностью, о чем свидетельствует твоя развязность. Мне не хотелось бы прибегать к крайним мерам.

— Узнаю голос Дианы, — ответила Жоэлла. — Ради бога, В. Л., не надо проповедей, ты не на публике! — Она нервно затушила сигарету. — Ты хочешь знать, с кем я была? Изволь, я скажу. С мужчиной. Или тебе еще подавай, как его зовут?

— Вот именно, — отрезал Лежанвье. — Мы с Дианой были уверены, что ты у Оранжей. Ты обманула нас... — добивал он для полной ясности.

Жоэлла замотала своим «конским хвостом»:

— Я протестую! Все получилось неумышленно... Я действительно договорилась встретиться с Жессикой. Но, когда я собиралась к ней, пришел Тони и забрал меня.

— Тони?

— Тони Лазарь.

Хоть Вернер Лежанвье и ожидал услышать это имя, впечатление

у него все равно было такое, будто его ударили в солнечное сплетение.

— Так, значит, ты не в первый раз встречалась с этим человеком?

— Да нет... В пятый или в шестой... В общем, всякий раз, когда он приходил сюда...

— И ты пошла с ним по первому же его зову?

— В моих глазах он обладает одним неоспоримым преимуществом.

— Каким же?

— Несправедливо обвиненный, он был оправдан твоими усилиями.

Отыскав платок, Лежанвье приложил его к вспотевшему лбу.

— Он ухаживает за тобой?

— В наше время никто уже ни за кем не ухаживает.

— Он пытался поцеловать тебя, пытался... э-э-э?..

— В. Л.! Вы вторгаетесь в частную жизнь.

Адвокат с усилием выпрямился, подошел к дочери, схватил ее за руку.

— Отвечай, целовал он тебя? Отвечай, иначе...

Жоэлла с удивительной легкостью высвободилась, отбежала к двери в свою комнату. На пороге она обернулась.

— Ревнуешь?.. Ну разумеется, он меня целовал и вообще... шупал! Он был не первый, но в первый раз дело того стоило!

На втором этаже хлопнула дверь: значит, Диана все слышала.

— Мне очень жаль, В. Л.! — убегая, крикнула Жоэлла. — Но ты сам этого захотел.

Вернер Лежанвье не ответил.

Может быть, Жоэлла просто решила ответить ударом на удар, бросить вызов отцовской власти? Но как бы там ни было, Антонен Лазарь перешел всякие границы.

Антонен, он же Тони, заплатит все свои долги, решил Лежанвье.

ГЛАВА IV

«Большая доза адреналина, введенная в вену, в течение пяти минут вызывает смерть. Поскольку это вещество тотчас растворяется в крови, то при вскрытии обнаружить хотя бы малейший его след невозможно. Адреналин часто используют при лечении астмы и сенной лихорадки» (д-р Эберхардт).

Диана в прозрачном дезабилье бесшумно отворила обитую дверь в рабочий кабинет мужа, оторвав его от бесплодного чтения красной тетрадки.

— Вернер... уже два часа, а Жоэллы все нет...

— Я знаю. Давайте подождем еще немного.

— Может, вы знаете и с кем она ушла?

— Думаю, что знаю.

— С Тони Лазарем?

— Да.

— И вы позволяете ей это?

— Я ничего не позволяю. Жозлла уже вполне обходится без разрешения.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Я и сам задаю себе этот вопрос.

На самом деле Вернер Лежанвье прекрасно знал, что он предпримет. Он больше не будет дожидаться, пока Жозлла не вернется домой. Он подстережет, когда в свой отель возвратится Лазарь.

— Вернер...

— Да?

— Жозлла плюет на вас! Вы почему-то не хотите отдать ее в пансион, но...

— Минутку! — перебил жену адвокат. — Каким вам показался этот Лазарь? Он привлекателен?

— Не сказала бы!

— Но хоть симпатичен?

— Пожалуй, да.

— Почему?

— И вы это спрашиваете? Потому что вы спасли его in extremis*, дорогой мэтр, потому что благодаря вам он пользуется славой невинного мученика, едва не ставшего жертвой судебной ошибки.

«И она туда же!» — с горечью подумал Лежанвье.

Итак, Антонен Лазарь обязан ему всем: свободой, безбедным существованием и даже повышенным интересом женщин к своей особе... Остается выяснить, не потребует ли он чего-либо еще.

— Ложитесь в постель, дорогая. Попробуйте уснуть. И не говорите ничего Жозлле, когда она вернется.

— Как вам будет угодно.

В четыре часа утра отель «Швеция» был освещен уже весьма скудно. Сквозь решетчатую загородку с улицы был виден старый ночной портье — без пиджака, в подтяжках, он дремал перед телефонным коммутатором.

Низко висели тучи, и в воздухе была разлита прохлада. Как ни старался Лежанвье согреться ходьбой, холод пробирал его до костей, затруднял дыхание. Ему бы не следовало курить, но как иначе скоротать время, развеять подступающую к горлу глухую тревогу?

На углу улицы довольно часто останавливались автомобили,

* В последний момент жизни (лат.).

и всякий раз Лежанвье спешил туда, боясь, как бы Лазарь не прошмыгнул в отель, пока он топчется поодаль.

Четверть пятого, без двадцати пять. Правда, накануне Жоэлла вернулась домой лишь к пяти утра...

Лежанвье вспомнились другие нескончаемые ожидания. В двадцать, даже в тридцать лет ему приходилось примерно вот так же дожидаться возвращения более или менее дорогих ему женщин. Они неизменно приезжали на автомобиле, утомленные и размякшие, и от них веяло любовью. Однажды он ударил одну из них, за нее заступился таксист, после чего они с таксистом завершили ночь вместе, опустошая бутылку за бутылкой белого вина и открывая друг в друге все новые достоинства, пока Мартина — а может, то была Марселла? — отсыпалась после любовных утех. Сегодня, когда ему перевалило за пятьдесят, он подкарауливает уже не ветреную прелестницу, а мужчину. Он расквасит ему физиономию.

— Если не ошибаюсь, мэтр Лежанвье?

В двух шагах от него возник Лазарь — руки в карманах расстегнутого пальто, в зубах сигарета, подсвечивающая красным его улыбающуюся физиономию. Должно быть, он вышел из такси, не доехав до отеля, или же вообще предпочел пройти пешком по набережным, строя планы на будущее (как на его месте и в его возрасте поступил бы Лежанвье).

— Вы ждали меня, дорогой мэтр?

Адвокат наклонил голову.

— Хотите сообщить мне что-нибудь срочное?

Лежанвье наконец-то отдышался.

— Откуда вы возвращаетесь? Вы провели все это время с моей дочерью?

— Попали в точку.

— Куда вы ее водили?

— Танцевать.

— И вчера тоже?

— И вчера тоже. И в то же место.

— Скажите, вы... э-э... привязаны к Жоэлле?

Уже в двадцать и еще в тридцать лет Лежанвье, отвергая очевидное, вот так же расспрашивал украдкой вылезавших из такси молодых женщин, усталых и взмокших, об их глубоких чувствах. В смутной надежде на чудо.

— Вернее будет сказать, что это Жоэлла привязана ко мне. И все благодаря вам.

Разговор у подъезда отеля в конце концов вывел старого ночного портье из полузабытья. Он прошаркал ко входной двери, окинул взглядом улицу.

— Нас слушают, дорогой мэтр! — заметил Лазарь. — Вдобавок уже поздно. Госпожа Лежанвье, насколько я могу судить, сейчас должна тревожиться из-за вашего отсутствия. На вашем месте я бы

кратчайшей дорогой двинул к дому.— Он выплюнул окурок и раздавил его каблуком.— Сам не пойму, отчего я испытываю потребность вам излиться, но вы мне очень нравитесь, дорогой мэтр! Надеюсь вскоре на законном основании назвать вас папой.

— Негодяй! — пробормотал Лежанвье, осознавая, что он обессилен. И что он повторяется.

Он бесшумно толкнул дверь в спальню. Диана не спала.

— Жозэлла вернулась?

— Да,— ответила Диана.— И устроила мне сцену.

— Она устроила *вам* сцену?

— По ее словам, я шпионю за ней, настраиваю вас против нее...

Я приготовила вам пижаму, дорогой, вот она. И налила немного виски... Вы видели этого человека?

— Да.

— Что он вам сказал?

— Он рассчитывает стать моим зятем.

— Что?!

— Он рассчитывает стать моим зятем.

— И вы это так оставите? — недоверчиво спросила Диана, чье лицо было сейчас таким же белым, как батистовая ночная сорочка, приоткрывающая ее округлые плечи.— Вы, Лежанвье, великий Лежанвье, допустите, чтобы какой-то господинчик?..

Лежанвье отшвырнул свои замшевые перчатки, снял пиджак, сорвал с рубашки промокший воротничок и принялся расстегивать брюки. Обычно он раздевался в прилегающей к спальне туалетной комнате, но сегодня...

— Нет.— Адвокат тряхнул своей тяжелой головой.— Завтра же утром я звоню в «Вязы». Мы проведем там неделю, две — сколько понадобится. Если этого окажется недостаточно, чтобы Жозэлла обзавелась, оттуда я отправлю ее во Флоренцию, в Рим, в Порто-Фино — ей там нравилось...

Лицо Дианы прояснилось, и она, притянув мужа к себе, поцеловала его в кончик носа.

— Дорогой, наконец-то я узнаю вас! А ведь одно время я боялась, как бы вас не обвели вокруг пальца...

Лежанвье усмехнулся. Это выражение ему кое-что напомнило.

— Тсс! Клиент всегда прав, но у бывшего клиента уже нет на меня никаких прав.

Каламбур вышел не слишком удачным — он сразу понял это.

Даже Билли Гамбург и тот нашел бы более меткое слово.

Но Билли еще не стукнуло пятидесяти, и ему не предстояло в следующую минуту воздать должное женщине на пятнадцать лет моложе тебя.

У Билли не было дочери, а следовательно, и проблем. Билли нимало не заботило то, что должна восторжествовать справедливость.

— Дорогой! — разочарованно простонала Диана. — Вы же думали совсем о другом...

ГЛАВА V

Лежанвье любил время от времени наезжать в свою виллу «Вязы», где он рано ложился спать и завтракал в столовой, обшитой дубовой панелью и вкусно пахнувшей воском, откуда через стеклянные двери была видна зеленая Шеврезская долина и где напротив него сидела совсем другая, домашняя Диана — толком не проснувшаяся, утомленная и размякшая, с вылезшей наружу кружевной оборкой.

— Надо бы почаще бывать здесь, — расслаблено вздохнул он. — Слышите, как воркуют голуби?

— По-моему, это цесарка... Еще чашечку кофе, дорогой мэтр?

— Охотно.

Само собой разумеется, бескофеинового, который он пил без всякого удовольствия, принимаясь к аромату, шедшему из чашки Дианы.

Диане не пришлось звонить в колокольчик, вызывая Сабину. Старая служанка сама постучала в дверь, отворив ее:

— Прошу прощения, но там один мсье спрашивает мсье.

— Кто такой? — проворчал Лежанвье.

— Не знаю. Назваться он не захотел. Говорит, он лучший друг мсье.

Лежанвье уже догадался, кто это.

— Может, нам следовало бы перебраться на другой континент? — вздохнул он, в сердцах бросив на стол салфетку.

Диана тоже поняла, но досады не высказала.

— Гостевая комната готова, — только и сказала она. — И не пытайтесь выставить его за дверь — пролезет через окно.

У Лазаря был теперь собственный автомобиль, «кадиллак», пяти лет от роду, который выглядел, впрочем, куда моложе. Чересчур широкий для узкой дороги, ведущей к вилле, он содрал ярко-красным крылом листву с последнего куста шиповника.

Сквозь переднюю дверцу Лазарь дружески помахал рукой:

— Хелло, дорогой мэтр! Париж может просто убить, если изредка не подышать кислородом. Я привез ваших добрых друзей, которые уговорили меня принять ваше сердечное приглашение. Они утверждают, будто «Вязы» способны дать приют целому полку. Угадываете, кто это?

Из «кадиллака» на гравий неуверенно ступили Билли Гамбург и Дото, на сей раз лишённые привычного апломба, хотя Дото сегодня была рыжей и в обновке — потрясающем платье в полоску,

едва доходившем до колен и делавшем ее похожей на аппетитный леденец.

— Мертвый сезон, я маялся от скуки, — пробормотал Билли, влажным взглядом заранее вымаливая себе прощение. — бездельничать так бездельничать, и почему бы не заниматься этим под «Вязами»?

Сверху, из-под крыши, донесся звенящий от возбуждения голосок:

— В. Л.! Кто там?.. Случайно не Тони?

— Ответьте, дорогой мэтр! — предложил Лазарь. — Малышка спрашивает вас, она ждет вашего родительского подтверждения!

— Кто там? — не унималась Жозелла — она свесилась из окна так, что, того и гляди, могла выпасть. — Случайно не Тони?

— Он самый! — буркнул адвокат, но голос его прозвучал так глухо, что его не слышали даже стоявшие рядом.

— Говорите громче! — дружески посоветовал Лазарь. — Представьте себе, что вы на заседании суда присяжных и требуете оправдания невиновного. Подайте голос. Мое почтение, дорогая мадам. — (На крыльце только что появилась Диана, по-прежнему с вылезшей оборкой.) — Мэтр оказался так добр, что пригласил нас, ваших старых друзей и меня, и мы имели слабость принять приглашение. Очаровательно, живописно, роскошно! — воскликнул он, обводя рукой окружающую местность. — А кто это там воркует? Голуби?

— Цесарка, — уверенно заявила Диана.

ГЛАВА VI

— Дорогой, вам нехорошо?

Лежанье сел в постели и ошалело огляделся вокруг, не узнавая привычной обстановки спальни; далеко не сразу он вспомнил, что уехал из своего дома на авеню Ош в «Вязы».

— Который час? — спросил он заспанным голосом. — Что?.. Что случилось?

Диана, сидевшая в соседней постели, смотрела на него с беспокойством.

— Вы разговариваете во сне. Вам было трудно дышать. Вы закричали, и я зажгла свет.

На лбу адвоката выступил холодный пот.

— Я разговаривал во сне? И что же я говорил?

— Я толком не разобрала. Вы говорили слишком быстро и тихо. Похоже, вы выступали с речью то ли за, то ли против кого-то.

— Выступал с речью?

Ну конечно же! «Процесс» вдруг вспомнился ему в мельчайших подробностях. Лазарь требовал для него смертной казни. У него,

Лежанвье, адвоката не было, он защищал себя сам, боялся сказать слишком много или слишком мало, искал взглядом в зале Диану...

— Вы переутомились, дорогой! Вам необходим настоящий отпуск, в Этрета или в Савойе, а не только выезд на уик-энд раз в две недели... Сидите, не двигайтесь. Вы весь мокрый. Я дам вам другую пижаму.

Наступая на кружевную оборку, она направилась к шкафу, и вот тогда-то Лежанвье в свою очередь, причем впервые, поразился тому, как она неважно выглядит. Конечно, отчасти в этом были повинны и первые проблески рассвета, примешивавшиеся к электрическому освещению, — муж редко лицезрит жену в такой час, — но это не могло объяснить всего: выцветшего рта, впалых щек. Судя по всему, Диана тоже провела плохую ночь.

Пошатываясь, она вернулась от шкафа, как с другого конца света.

В порыве нежности Лежанвье попробовал притянуть ее к себе, но она, высвободившись, одной фразой пресекла его поползновения, и он тайне почувствовал облегчение: усталость Дианы объяснялась самым естественным образом.

— Обещайте разбудить меня, как только услышите, что я снова разговариваю во сне, хорошо?

— Обещаю, дорогой. Если только вы не будете рассказывать что-нибудь по-настоящему забавное.

Диана потушила лампу в изголовье, повернулась на правый бок, и вскоре по ее мерному дыханию Лежанвье понял, что она уснула.

Тогда как сам он, держа глаза широко открытыми и уперевшись взглядом в бледные щели ставен, боролся с усталостью и тревогой, изо всех сил стараясь не засыпать.

А размышлять, анализировать, строить планы.

ГЛАВА VII

— В. Л., мы с Тони поедem обедать к мамаше Лалуэтт.— (Жоэлла).

— Дорогой мэтр, вы позволите похитить у вас Диану до вечера? — (Билли и Дото).

Вернеру Лежанвье было трудно примириться с тем, что он должен стареть, то бишь: следить за своим давлением, замедлять шаг на подъемах, ограничивать себя в еде и вместе с тем набирать вес, носить длинные кальсоны и вместе с тем мерзнуть, хрипло кашлять и благоразумно отворачиваться, когда Диана пристегивает чулки.

Но совсем уж невыносимо было ему видеть, что его юную дочь с каждым днем все сильнее привораживает этот наглый соблазнитель — убийца и шантажист. Убийца, благодаря ему, Лежанвье, незаслуженно оправданный, и шантажист, благодаря ему же живущий на широкоую ногу...

Часами адвокат просиживал в маленькой комнатке нижнего этажа, куда не долетало ни звука. Ни дать ни взять алхимик в поисках философского камня или современный физик, стремящийся проникнуть мыслью в глубь атома. Но его интересовало другое. Проводя все эти часы наедине с красной тетрадкой и ее рецептами, он ломал голову над одной задачей: как отделаться от убийцы-шантажиста? Без скандала. Без мордобоя. И не прибегая к убийству, одна мысль о котором внушала ему ужас.

Памятуя о том, что он взял привычку разговаривать во сне, Лежанвье засыпал прямо тут, за своим рабочим столом, уронив голову на руки, или же на диванчике, поджав ноги и во сне продолжая строить несбыточные планы. В спальню он поднимался лишь под утро, чтобы создать у Дианы впечатление, будто ночь он провел подле нее.

Раза два-три за утро, если не чаще, ему звонили мэтры Меран и Сильвия Лепаж, спрашивая у него совета или указаний, осведомляясь о его здоровье — они-то знали! — и неизменно высказывая пожелание вскоре увидеть его отдохнувшим и поправившимся. Мэтр Лекутелье просил отсрочки. Вашэ собирался пересмотреть свои показания. Лежанвье делал пометки, в телеграфном стиле отвечал на некоторые срочные письма на своем «Ремингтоне-беби», отрывал листок календаря, что впрочем, не мешало ему то и дело спрашивать у Дианы и Жозеллы, какой сегодня день. Их это нервировало, и в их удивленных взглядах он видел себя: стареющего мужа и отца.

В подавленном настроении Лежанвье поднялся, сделал несколько неуверенных шагов. Вот так он выныривал теперь из сна — как пробка из воды. Часы пробили не то одиннадцать, не то полночь — скорее, все-таки полночь. Он направился к окну, отодвинул кретоновую занавеску и выглянул наружу. Его внимание привлек свет. Он шел не из деревушки — для этого он был слишком яркий. И не из «Боярышника», соседней виллы, и не из монастыря — слишком близкий. Адвокат отпустил занавеску, потом спохватился, кинулся за очками. Теперь, чтобы видеть вдаль, ему нужны были линзы.

Свет шел от домика, что высился в глубине парка, от обветшалого охотничьего домика, где плесневели на стенах несколько косматых голов и куда никто никогда не заходил — разве что Жозлла, когда была еще ребенком, по прихоти своего необузданного воображения превращала его то в осажденный форт, то в заколдованный замок, то в один из Зондских островов...

Не колеблясь ни секунды, Вернер Лежанвье облачился в халат, брошенный на спинку стула, а в прихожей прихватил висевший справа от вешалки электрический фонарь. Снаружи его обьял ночной холод, но сейчас его могла бы остановить только выросшая на пути отвесная скала.

До домика оставалось каких-нибудь двадцать метров, когда дверь отворилась, выпустив женскую фигурку, которая тотчас согнулась на ветру.

«Жоэлла», — подумал адвокат и окликнул ее.

Тщетно. Фигурка исчезла подобно эльфу.

Лежанвье продолжал идти к домику — теперь он знал, кто там скрывается.

Уже плохо сдерживая ярость, он толкнул дверь ногой и с первого же взгляда действительно обнаружил внутри Лазаря — привалившись спиной к камину, тот без всякого удивления смотрел на приближавшегося адвоката: правый глаз полуприкрыт, левая бровь вздернута.

Одной рукой он за оба запястья держал Диану и, негромко что-то говоря, пускал ей в лицо дым от сигары. Диана вырвалась. Атласное белое negligé разошлось на ее груди, и она выглядела почти голой.

— Что... что вы тут делаете? — сдавленным голосом проговорил Лежанвье.

Было непонятно, к кому из двоих обращен вопрос, так что ответы прозвучали почти одновременно:

— У меня здесь было свидание с Жоэллой. — (Лазарь.)

— Я знала, что они тайком здесь встречаются, я застигла их! — (Это выкрикнула Диана.) — Я отказываюсь быть гостеприимной настолько, чтобы закрывать глаза на подобного рода свидания... Отпустите меня! Вы делаете мне больно.

Лазарь с улыбкой выпустил ее руки.

— Должен признать, для мачехи у госпожи Лежанвье материнский инстинкт развит чрезвычайно. Как я ни тщился убедить ее, что в отношении Жоэллы имею самые честные намерения, она так и норовила выцарапать мне глаза.

Адвокат с трудом перевел дыхание и сделал шаг вперед, помахивая фонарем.

— Мне следовало бы набить вам физиономию.

Лазарь щелчком отбросил сигару в сторону, не дав себе труда ее затушить.

— Попробуйте, дорогой мэтр! А мне казалось, что на этот счет мы с вами пришли к согласию... Или я ошибаюсь?

Диана взидала на обоих с недоумением. Подойдя к мужу, она прижалась к его плечу.

— Дорогой, я не понимаю! Как вы можете сносить такое?.. Вы спасли этого человека, а он вас ни в грош не ставит?

— Ошибаетесь, моя дорогая! — возразил Лазарь. — К вашему супругу я испытываю горячую признательность.

— Тогда... в чем же дело, дорогой?..

— Мне очень жаль, что я его защищал, — помимо воли признался Лежанвье.

На миг Диана оторопела, потом набросилась на мужа с расспросами:

— Почему?.. Вас же ничто не заставляло... Ведь он невиновен, разве нет?

— В том-то и дело! Раньше я считал, что он невиновен. Но теперь...

— Что теперь?..

Лежанвье промолчал.

— Что теперь? — усмехнулся Лазарь. — Мэтр Лежанвье проникнут сознанием собственной невинности... Подходящее словечко, — добавил он саркастическим тоном. — Но я держу его вот так! — Он растопырил пальцы и сжал их в кулак. — Как держал только что вас, моя дорогая!

Лежа в одинаковых кроватях, Лежанвье и Диана никак не могли уснуть.

Адвокат ожидал, что жена засыплет его вопросами, но она хранила молчание.

«Я люблю вас, дорогой, но я восхищаюсь и великим Лежанвье... Если бы я перестала восхищаться одним, то, вероятно, разлюбила бы и другого...»

— Диана!

— Да, Вернер?

— Теперь вы знаете все. Почему Лазарь спит под нашей крышей, почему я не могу его прогнать? Этот человек — преступник. Я имел глупость поверить в его порядочность. Сегодня он грозился, если я не выполню его требований, заявить, что он, дескать, собирался сделать чистосердечное признание, а я его отговорил. Общественность охотно поверит подобному «раскайанию», а это будет означать крах моей карьеры и — только не надо возражать — неизбежно отворотит вас от меня.

— Пожалуй, да... — задумчиво протянула Диана.

— И что же теперь делать?

— Спать, дорогой. До утра выкинуть все из головы. А потом сражаться. Правда на вашей стороне.

— Как именно сражаться?

— Дайте мне время пораскинуть мозгами.

— Если случится так, что я вас потеряю...

— Вы меня еще не потеряли.

Лежанвье дождался, чтобы Диана уснула. Потом он на цыпочках спустился на первый этаж, зажег свет в «кабинете» и принялся листать страницы красной тетради, испещренные цитатами и адресами, и часам к двум заснул над перечнем ядов, производных от бензина...

Уже много лет назад он раз и навсегда решил: если ему когда-нибудь и придется совершить преступление, он не попадется ни

в какую ловушку и отчитываться будет только перед собственной совестью.

Отныне же совесть его спокойна...

ГЛАВА VIII

— Вас к телефону, мсье... Из вашей парижской конторы.

Выдернув из розетки шнур электробритвы, Лежанвье со вздохом поплелся за Сабиной.

Звонили действительно из конторы. А именно, мэтр Сильвия Лепаж — дело Барбедьенна оказалось для нее чересчур крепким орешком. И еще: как мэтр Лежанвье чувствует себя сегодня? На пользу ли ему загородный отдых?

Побывав в ванной, адвокат вернулся в спальню, где Диана была поглощена тем, что втирала пальцами в кожу лица тонирующий крем.

— Дорогой, скажите: сегодня дела не призывают вас в кабинет? — сдавленным голосом, стараясь не шевелить губами, спросила Диана.

— Да нет... Все идет своим чередом.

— Вы не считаете, что вам не мешало бы махнуть в Париж, свозить туда Жозеллу?

С электробритвой в руке Лежанвье удивленно обернулся, но лицо Дианы, занятой изгнанием ночных морщин, оставалось неподвижным.

— То есть... вы хотели бы остаться одна?

— Да,— твердо ответила Диана.— С Тони.

Лежанвье был потрясен вдвойне. Во-первых, этим бестрепетным «да», а во-вторых, тем, что Диана называла Лазаря «Тони».

— На что вы рассчитываете? — скептически спросил он.— Добиться, чтобы он устыдился своего недостойного поведения, отказался от своих матримониальных планов? Боюсь, это будет напрасный труд.

— Труд никогда не бывает напрасным,— отозвалась Диана, массируя веки.— Может быть — я говорю: может быть,— мне удастся найти какие-нибудь чисто женские аргументы, к которым он окажется более восприимчив, чем к угрозам. Осталось же в нем что-то человеческое!

— Да услышит вас бог! А почему вы хотите, чтобы я увез Жозеллу?

— Чтобы она не могла вмешаться в разговор. Она тотчас переметнется в противоположный лагерь.

Добрился Лежанвье молча. Предложению Дианы он подсознательно противился. Но это, быть может, потому, что он привык сражаться один и ему, как мужчине, претит прятаться за юбкой?

— Мне это не нравится! — заключил он вслух. — Этот тип — прирожденный совратитель, — добавил он, тщетно подыскивая более простые слова. — Способный на...

— Дорогой мэтр! Выходит, вы сомневаетесь то ли в моей доброте, то ли в моем уме?

— Нет, но... Как подумаю, что...

— Успокойтесь! Я все-таки останусь не совсем одна. Сабина уходит отсюда только в шесть. К тому же я могу попросить Билли и Дото сегодня никуда не уезжать.

— Под каким предлогом?

— Да ни под каким. Билли и Дото никогда не задают вопросов.

— Вы уже представляете, хоть приблизительно, каким образом подступитесь к Лазарю?

— Больше всего я полагаюсь на импровизацию. — Диана завинтила колпачок на одном флаконе, открыла другой. — Вы, конечно, знаете, что у него есть подруга, некая Кристиан Маршан, супруга господина Маршана?

— Во время процесса он говорил мне о ней, но уверял, что со дня его ареста между ними все кончено. Но откуда вам известно?

— Мужчина, вышедший из тюрьмы, испытывает неодолимое желание исповедоваться, и предпочтительно женщине. Поверьте, Тони не является исключением из этого правила.

Тони! Снова она называла его так!

— Следовательно, на этот счет — да и не только на этот — вы осведомлены о нем лучше меня!

— Откуда мне знать, дорогой! Думаю, нет. Но, видите ли... Шантажист ведь тоже бывает не так уж уверен в себе. Дайте мне шанс. — Диана помолчала: она накрашивала ресницы. — Дайте нам шанс.

И сколько бы потом Лежанвье ни атаковал ее вопросами, все было тщетно: Диана целиком отдалась наведению красоты.

Он был уже на пороге, когда она окликнула его:

— Вернер!

— Что еще?

— Спасибо, дорогой! Поезжайте сразу после обеда. Проявите как можно больше терпения и снисходительности к этой глупышке Сильвии Лепаж. И не возвращайтесь с Жоэллой до темноты. За два часа с такого субчика спесь не собьешь.

Жоэлле совершенно не хотелось ехать в Париж. Ей там нечего делать, она будет чувствовать себя не в своей тарелке, куда охотнее она, чтобы прогнать мигрень, погуляла бы по лесу в компании одной лишь своей арденнской таксы по кличке Стряпчий. Адвокат продолжал настаивать, нагромождая причины одну нелепее другой. Жоэлла уже начала поглядывать на него с подозрением, когда по необъяснимой прихоти providения конец их спору положила Дото:

ей как раз нужно к портнихе и к парикмахеру, не согласится ли Жоэлла ее проводить?

Жоэлла хмуро сдалась, но доехала с ними только до Палезо.

— Дальше поезжайте вдвоем... Я возвращаюсь назад.

— Но почему? — изумленно воскликнула Дото.

— Все кружится, — лаконично отозвалась Жоэлла. — Укачало меня в вашей тачке. Должно быть, я заболелаю.

Удивленный Лежанвье искоса рассмотрел дочку. Жоэлла и впрямь была бледна, завитки волос прилипли к ее необычно влажному лбу.

— В таком случае... — начал он. Он чуть было не сказал: «Я отвезу тебя», но вовремя прикусил язык: Диана не простила бы ему столь скорого возвращения. — Может быть, вы, дорогая Дото, могли бы...

Он обернулся, устремив на нее умоляющий взгляд, но Жоэлла перебила его.

— Обойдусь без няньки! — зло бросила она. — Я хочу только одного: чтобы меня оставили в покое. Пропущу по-пролетарски стаканчик кальвадоса у стойки и вернусь на автобусе или по железке, как взрослая, а если не удастся — возьму такси. Денег у меня хватит, — добавила девушка, похлопав себя по карману своей куртки, чтобы предупредить очередное возражение.

Лежанвье охотно вlepил бы ей пару пощечин, но это создало бы досадный — и запоздалый — прецедент. Он не помнил, чтобы когда-нибудь поднимал руку на дочь.

Его донимал один вопрос: в самом ли деле ей нехорошо, или же она инстинктивно стремится сделать Диане назло, спутать ей карты?

Он увидел, как она пошатнулась, ступив на дорогу, и ухватилась за дверцу, прежде чем ее захлопнуть, и его сомнения рассеялись.

— Прими аспирин, — посоветовал он. — И ложись в постель, как только вернешься. Не надейся на глупостей.

Страдальчески улыбнувшись, Жоэлла направилась к свежескрашенному бистро, террасу которого окружали кусты бересклета в ящиках.

— Будь спок, В. Л., я не прощаюсь! — Она полуобернулась, успокаивающе помахала рукой. — Обещаю тебе, что отвергну всякое гнусное предложение.

Дото пересела с заднего сиденья на переднее, где сидела Жоэлла, и закинула ногу на ногу, обнажив колени и рискуя тем самым отвлечь внимание водителя.

— Забавно, не правда ли? — заметила она, когда «мерседес» набрал скорость. — Симптомы довольно характерные...

Лежанвье упорно смотрел на дорогу.

— Сколько ей сейчас? Семнадцать?

— Скоро восемнадцать, — буркнул адвокат.

— А на вид все двадцать. Вы и впрямь думаете, что это у нее простое недомогание?

— Ну да. У вас другое мнение?

— Вы неисправимый оптимист,— напоследок уколола его Дото.

В новой соломенной шляпке она впорхнула в кабинет Лежанье вскоре после шести часов — они договаривались, что она придет в пять,— и они двинулись в обратный путь сквозь клочья вечернего тумана, такие же молчаливые, как и днем, и скрыто враждебные друг другу. Адвокат знай себе нажимал на газ, а если и отводил взгляд от дороги, то лишь для того, чтобы посмотреть на люминесцентный циферблат часов.

Сто, сто десять, сто двадцать...

Какое безумие — оставить Диану одну с Лазарем! Какая низость! Ведь после вчерашних скандальных откровений в охотничьем домике все стало предельно простым. Субчика надо было взять за шкурку и не раздумывая вышвырнуть за порог со словами: «Вы слишком рано выложили свой главный козырь! Теперь моя жена знает все и по-прежнему мне верит. Подите прочь — или я вызову полицию!»

Неожиданный прыжок раненного льва.

«Правда на вашей стороне, дорогой!»

Схватить субчика за шкурку и вышвырнуть за дверь — как лженищего, как лжеслепца...

Нет, даже в этом случае не все так просто. Когда Лежанье высказал опасение, что крах его карьеры будет означать конец их любви, Диана честно ответила: «Пожалуй, да...» Против воли признавая, что сила на стороне Лазаря.

Белый портал «Боярышника»...

Последний поворот.

«Вязы»...

— Спасибо, Фанхио*, я пойду оденусь потеплее,— хриплым голосом сказала Дото. (До сих пор она никогда еще так долго не молчала.) — Только не говорите Билли, как мы провели время, а то он нас убьет!

Все те же шутки «по-гамбургски», главное — привыкнуть к ним.

— Диана! — позвал Лежанье.

На ходу стягивая меховые перчатки, пальто, вязанный шарф, он заглядывал во все комнаты.

Дианы не было ни в гостиной, холодной и враждебной, ни в ее «келье», окно в которую было распахнуто настежь, ни в спальне, где на полу валялась одна туфля.

Не оказалось ее и в комнате Жозллы, куда Лежанье бесшумно отворил дверь и где на кровати прямо в одежде лежала Жозлла, уткнувшись лицом в подушку и время от времени испуская тяжелый

* Имеется в виду Хуан Мануэль Фанхио (род. в 1911 г.) — знаменитый аргентинский автогонщик, пятикратный чемпион мира.

вздых. На крохотном столике стоял стакан с остатками воды, замутненной аспирином.

Лежанвье взглянул на часы — как и у автомобильных, циферблат у них был люминесцентный. Без десяти семь. Сабина, должно быть, уже давно успела добраться до деревушки и теперь готовит мужу похлебку. Валантен, старый садовник, тоже покидал «Вязы» с наступлением сумерек, никого об этом не предупреждая.

Лежанвье наступил на что-то — это оказался Стряпчий, арденнская такса, умудрявшаяся быть невидимой, пока ей не отставишь лапу; мстительный пес вцепился зубами в край штанины, и его добрых десять метров пришлось проташить за собой.

Лежанвье бросился в парк, бегом устремился к охотничьему домику, толкнул дверь, но та не поддавалась, словно была подперта чем-то изнутри. Понадобилось высаживать ее плечом. Влетев, адвокат уже во второй раз споткнулся о неожиданное препятствие, ощупью отыскал выключатель. Между двумя оленьими головами слабо светилось бра.

На полу, посреди обломков стула, в задравшейся на бедрах юбке, навзничь лежала Диана и смотрела на него тусклым взглядом, а под левой грудью у нее пламенела какая-то рубиновая брошь.

ГЛАВА IX

«Если случится так, что я вас потеряю...— Вы меня еще не потеряли...»

Ошеломленный Лежанвье принялся тихонько окликать Диану. Возможно ли, чтобы она при его появлении продолжала лежать на полу, даже не попытавшись подняться, привести в порядок свой туалет? Пока он задавался этим вопросом, рука его совершенно машинально скользнула к левому карману жилета, достала от туда пилюлю и поднесла ее ко рту.

— Диана! — повторил он уже настойчиво. — Диана.

Только теперь, поскольку Диана пребывала в прежней необычной отрешенности, истина забрезжила в его мозгу: Диана не слышит его, потому что с ней что-то произошло. Несчастный случай. А может...

Ему в голову пришла мысль о самоубийстве, но он тотчас отбросил ее. Кто будет кончать с собой в темноте и холоде, да так, чтобы под тобой разлетелся стул? А главное: по какой причине? Разве что Диана вдруг лишилась рассудка... Но таких рассудительных, как Диана, еще поискать, а потом, она так любила жизнь...

— Значит, вы все-таки сделали это?

На пороге, держа руки в карманах куртки, полузакрыв правый глаз и вздернув левую бровь, стоял Лазарь.

— Сделал что? — пробормотал опешивший адвокат.

Не удостоив его даже взглядом, Лазарь обошел его, опустился на колено, склонился над телом.

— Гм-м!.. Чистая работенка!.. Одна-единственная пуля, но дел она наделала! Должно быть, разворотила верхушку сердца...вошла здесь, вышла там... Пуля-малютка из револьвера-игрушки...

Он выпрямился, подкидывая пульку в руке, потом вдруг бросил ее адвокату.

— Ловите!

Но Лежанвье поспешно отступил, словно мертвая пуля еще могла убить. Она покатилась по полу.

Не сводя с адвоката глаз, Лазарь полез в карман, что-то вытащил оттуда, потом между его пальцев вспыхнуло миниатюрное пламя, и по комнате разнесся аромат дорогого табака.

— Ну, вы даете, папаша! Ладно бы еще устроили сцену, но в вашем-то возрасте укокошить жену!.. Что случилось? Вы нашли обрывок любовного послания? Подслушивали под дверью, трясли Сабину, наняли частного детектива, чтобы он выследил нас?.. Впрочем, мы и так были не особенно осторожны... Скажите, как вы узнали, что госпожа Лежанвье и ваш покорный слуга...

Адвоката качнуло, и, чтобы не упасть, он оперся о стену.

«Госпожа Лежанвье и ваш покорный слуга...»

Нечаянное признание, вырвавшееся по недоразумению!

За каких-нибудь несколько минут адвокат вторично испытал пронзительное ощущение, что потерял Диану.

— Эй, папуля! — вдруг обеспокоенно воскликнул Лазарь. — Уж не собираетесь ли вы сказать мне, что я открыл вам глаза, что вы про нас ничего не знали?.. — Нахмурясь, он задумчиво помолчал, потом пожал плечами. — Да нет, конечно же, знали, иначе бы вы ее не кокнули!

Лежанвье отчаянно хотел сказать что-нибудь — неважно что, лишь бы тот, другой, замолчал. Увы, голос не повиновался ему.

Превратно истолковав его молчание, Лазарь принялся оправдываться.

— Заметьте, папаша, я вовсе не кидался на баб, хоть и вышел из кутузки... Я глубоко уважаю вас, дорогой мэтр, с самого начала, и я — хотите верьте, хотите нет — не тот человек, который обманывает тех, кого уважает, — спросите у кого угодно, — но Диа... то есть госпожа Лежанвье подстерегала меня за каждым поворотом, с каждым днем все менее одетая, все более раздетая... Усекаете, папуля? «Коли муж не знает, то его и не печет, — сказал я себе в качестве утешения, когда произошло неизбежное. — К тому же, если учесть, что он на пятнадцать годков ее старше, ему уже, наверное, приходилось прощать ей кое-какие шалости...»

Пот градом лил с Лежанвье. Сердце колотилось в горле, в затылке — везде, вплоть до кончиков пальцев. «Вот он, ад!» — вдруг подумалось ему.

Обнаружить, что твоя убитая жена изменяла тебе с преступником, что она и до него наверняка тебя обманывала...

Он находился уже не здесь, а на дороге из Парижа в Шеврез, где выжимал из машины сто десять, сто двадцать километров в час; в суде присяжных, где так настойчиво добивался оправдания Лазаря; в своей конторе, где прижимал к себе Диану, проводя своими лапищами по двойному шелку: ее платья и ее кожи, впиваясь ртом в ее покорные прохладные губы; в их спальне, где смотрел на нее, спящую, подстерегая момент, когда она во сне сбросит с себя простыни, привольно раскинув ноги.

«Вы меня еще не потеряли...»

— Обсудим ситуацию хладнокровно, дорогой мэтр... Что вы намерены предпринять? Чистосердечно признаться?

Лежанвье по-прежнему был неспособен отвечать. Да и слышал ли он, что ему говорили?

Лазарь помолчал, потом принялся развивать свою мысль:

— Госпожа Лежанвье уже довольно давно наставляла вам рога, но у вас только сейчас открылись глаза? Ладно. Благодаря чему? Писульке, неосторожно оставленной в сумочке или в шкафчике? Пусть так. Вы застали ее здесь, полуодетую, принялись осыпать упреками. На свою беду, она держалась воинственно, даже заявила: ее личная жизнь вас не касается. Кровь ударила вам в голову, и, слово за слово, вы перешли к рукопашной. Она пригрозила вам пушкой — вон той пушечкой, что валяется на полу, — и, похоже, всерьез намеревалась пустить ее в ход... Вы отвернули ее руку в сторону, чтобы она не наделала глупостей... Но вот невезение: она пальнула... Поверьте, в суде присяжных у вас не будет проблем: уж там-то вытащат на свет божий ваше безупречное прошлое и ее неблагоприятные делишки... С новым Лежанвье в качестве защитника вы отделаетесь лишь надоедливymi очередями фотовспышек и вашей физиономией на первых полосах газет, если вы, конечно, из каких-нибудь загадочных побуждений не решите признаться во всем...

Лежанвье провел ладонью по лбу.

— В чем признаваться?.. Я только что из Парижа, где провел всю вторую половину дня, я вернулся в «Вязы» каких-нибудь двадцать минут назад... Я могу это доказать...

— Но вы не сможете доказать, что не прикончили ее в течение этих двадцати минут!

— Убийство совершено не только что, а час или два тому назад, если не все три.

— Да что вы говорите!

— Будет произведено вскрытие, и судебный медик...

— ...целомудренно воздержаться от категорического утверждения, учитывая, что точность должна будет измеряться минутами! Да вы дотроньтесь, труп еще не остыл...

Лежанвье казалось, что он наяву переживает кошмарный сон.

— Говорю же вам: я только что приехал, и вот — нашел ее здесь...

Лазарь задумчиво наблюдал за ним.

— Заметьте, есть и другое решение... проще... чище...

— Какое?

— Выстрел сделан в упор — достаточно нагнуться, чтобы подобрать оружие. Это могло бы сойти за самоубийство, при условии...

— При каком условии?

— При условии, что оружие будет у госпожи Лежанвье в руке, направленное ей в грудь. При условии, что мы запоем в один голос, что я буду гарантом вашей невиновности, а вы — моей.

Лежанвье никак не мог поймать разбегавшиеся мысли.

— А вам какой интерес?..

Лазарь отшвырнул сигарету, помолчал.

— Я мог бы ответить вам: «Интерес самый простой, папаша, — желание выручить вас в порядке дружеской взаимности», но я сильно сомневаюсь, что вы мне поверите... Проследите за моим рассуждением... Если вы, как обманутый и обозленный муж, естественным образом становитесь подозреваемым номер один, то не менее естественным образом я, как погнавшийся сразу за двумя зайчиками, воплощаю собой подозреваемого номер два... Подошвы с гвоздями, лампы с рефлектором, допрос третьей степени... Если вы всего этого еще не пробовали, то уж я досыта нахлебался... И вместо этого... Предположим, что мы обопремся друг о друга, как известные всем слепой и паралитик... Предположим, что...

— Минуточку! — перебил его Лежанвье.

Он наконец набрался мужества склониться над Дианой, коснуться ее обнаженной руки, удостоверился, что револьвер лежит меньше чем в метре от нее. Изящный мелкокалиберный револьвер с ручкой из слоновой кости, «Лилипут-4,25», который он подарил ей во время чудесной поездки по бернским Альпам. Увидел он и другое: корсаж на Диане был разорван и тыльную сторону ее правой ладони пересекала свежая царапина.

— Минуточку! — повторил он, тщательно подбирая слова. — В Париже мне совершенно нечего делать, и я поехал туда, прихватив с собой Жоэлла, лишь под сильным нажимом Дианы. Она пожелала остаться с вами наедине. Из ее намеков можно было понять, что она знала вас лучше, чем я, и сумела проникнуть в какой-то тщательно оберегаемый вами секрет, способный вас обезоружить... Будете отрицать, что встречались с ней сегодня во второй половине дня?

Лазарь прикрыл правый глаз, вздернул, изогнув, левую бровь и склонил голову набок. Порывшись в карманах, он извлек оттуда мятый клочок голубой бумаги.

— Прочтите, папаша.

«4 ч. В известном тебе месте, дорогой. Д.», — удалось разобрать адвокату.

— Известное мне место — это «Ивняк», средневековая таверна на левом берегу Иветты, где нам случалось провести часок наедине в комнатухе на втором этаже, — объяснил Лазарь. — Там я напрасно прождал Диа... госпожу Лежанвье до пяти часов. В четверть шестого, когда мне надоело торчать там без толку, я поехал обратно. Пустая трата энергии. «Вязы» походили на замок Спящей красавицы. «Ивняк» тоже, когда я в четверть седьмого прикатил туда бросить взгляд напоследок... Вот почему я сказал вам, что, как и вы, нуждаюсь в железном алиби...

Теперь Лежанвье дышал ровно. Почему он не понял раньше?

Осененный внезапно пришедшей уверенностью, он заявил:

— Вы дожидались моего возвращения, чтобы использовать ситуацию к своей выгоде, застигнуть меня «на месте преступления»... Вы нуждаетесь в алиби, *потому что вы и есть убийца!*

Смертельно побледнев, Лазарь оторопело воззрился на адвоката.

— *Memento, мэтр! Что за чушь вы городите?*

Пауза.

— Может быть, вы не верите, что я спал с госпожой Лежанвье?

Адвокат овладел собой.

— Почему же, возможно, такое и случалось раз-другой.

— Три раза, — уточнил Лазарь.

— Ну, допустим, три... Но вы метили выше: жениться на моей дочери. Если поразмыслить, Диана, удалив меня отсюда, отнюдь не намеревалась отвадить вас от нашего дома, но лишь заставить вас отказаться от матримониальных планов. Вот почему она пожелала остаться с вами наедине. Вот почему она вооружилась револьвером. Она рассчитывала либо вырвать у вас обещание отказаться от Жоэллы, либо застрелить вас... Даже в этом случае она не особенно рисковала, линия защиты была бы совершенно очевидна: вы посягнули на нее, она защищала свою честь... Я делаю вывод: это вы повернули оружие в ее сторону, рассчитывая, что в первую очередь подозрение падет на меня...

От ударов Лазарь оправлялся быстро — это он доказал еще на процессе. С улыбкой на губах, но с холодным взглядом он не спеша закурил новую сигарету.

— Не мелите чепухи, папаня! Госпожа Лежанвье давала мне на карманные расходы столько, сколько у вас мне никогда не удавалось вытрясти. Кто будет убивать курицу, которая несет золотые яйца?.. К тому же она лучше, чем кто-либо, знала, что я никогда не смог бы жениться на Жоэлле. *Я женат.*

— Что?

— Скажем так: *женат вторично.* Вы мне не верите? Напрягите память, дорогой мэтр! Вспомните наш первый разговор в вашем кабинете, сразу после моего блестящего оправдания! Я говорил вам об

алиментах, которые должен выплачивать первой госпоже Лазарь. Нынешняя же, чахоточная, сейчас дышит горным воздухом в Давосе.

— Но в таком случае...

— В таком случае у госпожи Лежанвье не было никаких оснований опасаться, что я ее оставляю, дорогой мэтр! Чтобы уж вам все стало ясно, это я *по ее наущению* начал открыто проявлять интерес к вашей дочери. Чтобы сбить вас с толку, чтобы вы не строили предположений относительно нас с Дианой...— Лазарь вынул сигарету из рта, сдул пепел.— Однако время поджимает, уже, наверное, половина восьмого... Итак, я провел почти всю вторую половину дня в «Ивняке», вы — в своем кабинете на авеню Ош. Физически каждый из нас имел возможность навеститься сюда и укокошить госпожу Лежанвье, если не будет доказано, что она была убита под вечер... Так что предлагаю вам gentlemen...s agreement*: я заявляю, что звонил вам около пяти часов в Париж, а вы — что звонили мне в «Ивняк» минут двадцать спустя. Но это еще не все. Сюда мы вернулись вместе, оба услышали выстрел, находясь в вашем кабинете, вместе обнаружили тело. За малышку Дото не беспокойтесь. Она подтвердит.

— Почему?

— Я знаю, как ее надо просить.

Лежанвье не мог отвести глаз от Дианы. Лежащая вот так, в юбке, задравшейся до подвязок, отныне и навек не способная произнести: «Мой дорогой мэтр», она казалась ему чужой. В нем зародилось и постепенно полностью им овладело не желание, и не любовь, а совсем иное чувство.

Между тем Лазарь нагнулся и подобрал небольшой предмет: мелкокалиберную пулю, выплюнутую «Лилипутом-4,25».

— Ну так что? Сойдемся на самоубийстве, папаша? — нервно бросил он. — Гребем в одной лодке — или как?

— Или как, — отозвался Лежанвье. И немного погода глухо добавил: — Каждый за себя.

Глаза у Лазаря сузились. Потом он усмехнулся и полез в карман.

— Жаль, папуля! Вас жалы.. Узнаете это?

Лежанвье удивился:

— Мой револьвер, который лежал в запертом ящике моего стола! Когда вы его у меня стянули?

— Во время визита вежливости, на следующий день после процесса, когда вы пошли открывать дверь госпоже Лежанвье... С вашим вспыльчивым характером вы запросто могли схватиться за него и продырявить мне башку, что было бы весьма нежелательно... Ну-ка, отступите чуток... Знаете, что я сейчас сделаю?

— Нет, — прохрипел адвокат, покрытый ледяным потом.

* Джентльменское соглашение (англ.).

— Поверьте, я очень сожалею, папуля, но вы сами меня вынуждаете... Убийственная пулька, по счастью выскочившая наружу, — у меня в кармане... Все будет тип-топ. Я *повторно убью* госпожу Лежанвье, но уже из вашей пушки, постараюсь, чтобы пуля прошла тот же путь, что и первая: левая грудь, правое легкое, правая лопатка, — но она проделает *дыру пошире*... Дыру, *подписанную Лежанвье*... После этого вы можете сколько угодно бить себя в грудь и клаясь в своей невинности...

Лежанвье так никогда и не понял, как именно он ударил: то ли кулаком в подбородок, то ли ребром ладони по горлу, но Лазарь, растянувшийся во весь рост рядом с Дианой не шевелился...

Адвокат забрал свой револьвер и сунул его в карман, откуда он при первой возможности должен был перекочевать на свое привычное место — в ящик письменного стола. Даже если предположить, что его обыщут и найдут при нем оружие, это не будет уликой. Этот револьвер в ход не пускали.

Адвокат оцарапал щеки Лазаря мертвыми руками Дианы. Потом он подобрал с пола «Лилипут», вытер его рукоятку из слоновой кости носовым платком, дважды выстрелил в окно, которое разлетелось вдребезги: двойной выстрел и звон бьющегося стекла на сей раз обязательно привлекут чье-нибудь внимание, обозначат время убийства, — и вложил револьвер в правую руку Лазаря, аккуратно подогнул как надо его пальцы...

Раздались торопливые шаги. В дверном проеме показалась всклокоченная голова Билли Гамбурга. Поставив на пол корзину, полную грибов, он воскликнул:

— Великий боже! Что за праздник, почему фейерверк? — Только теперь его взгляд упал на два распростертых тела, и он удивительно быстро все понял. — О, прошу прощения!.. Вызвать полицию?

— Будьте так добры, произнес Лежанвье, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — И врача.

Его переполняла дикая радость.

Правосудие — наконец-то — восторжествует.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Первыми свидетелями, которых вызвали давать показания на процессе, были полицейский комиссар из Палезо и его помощник, узнавшие об убийстве по телефону около половины восьмого вечера и немедленно прибывшие на место преступления.

Кто им позвонил?

Господин Феликс Гамбург, художник-оформитель, он встретил их на дороге перед «Вязами», потом проводил к охотничьему домику в глубине парка.

Что они увидели в упомянутом домике?

Их взору предстали трое. Во-первых, жертва, Диана Лежанвье, лежавшая навзничь на полу с пулевым ранением в груди и не подававшая признаков жизни. Во-вторых, подсудимый, Антонен Лазарь, в бессознательном состоянии сжимавший в правой руке мелкокалиберный револьвер, в котором — как выяснилось в ходе дальнейшего расследования — не хватало трех пуль, в том числе и той, которая послужила причиной смерти госпожи Лежанвье. В-третьих, муж жертвы, мэтр Вернер Лежанвье, явно потрясенный происшедшим и державший на мушке собственного револьвера подсудимого, чтобы предотвратить всякую попытку бегства с его стороны.

Вопрос. Обнаружили ли вы следы борьбы?

Ответ. Да, и многочисленные. У стены в неустойчивом равновесии стоял плетеный садовый столик — судя по всему, отлетел туда в пылу схватки. Вокруг и под телом жертвы валялись обломки разбитого стула.

В о п р о с. Вы сказали нам, что в револьвере, который держал подсудимый, не хватало трех пуль, тогда как для убийства оказалось достаточно одной. Как вы считаете, остальными двумя пулями стреляли в то же самое время?

О т в е т. Вне всякого сомнения. В окне выстрелами были выбиты стекла. Пули мы нашли в парке на следующий день, метрах в пятидесяти от домика.

В о п р о с. Из этого вы делаете вывод, что они были выпущены первыми и не поразили цель?

О т в е т. Таково мое мнение.

В о п р о с. Смогли ли вы установить, кому принадлежит — или принадлежало — орудие убийства?

О т в е т. Да. Госпоже Лежанвье.

В о п р о с. Таким образом, подсудимый завладел им либо перед тем, как разыгралась драма, либо непосредственно в ходе схватки с жертвой?

О т в е т. Именно так.

Доктор Тома, которого также вызвали по телефону, появился на месте событий вслед за полицейскими, десятью минутами позже.

Специалист по детским болезням, он заметно нервничал и не добавил ничего нового к тем показаниям, что он давал на следствии. Убийство было налицо, и он полагал, что смерть, скорее всего, была мгновенной.

В о п р о с. Обнаружили ли вы на теле жертвы другие следы насилия — помимо пулевого ранения?

О т в е т. Да. Кровоподтек в верхней части груди — корсаж у несчастной женщины был разорван — и свежую царапину на тыльной стороне правой ладони.

В о п р о с. Поручали ли вам обследовать подсудимого?

О т в е т. Поверхностно. Комиссар полиции попросил меня взглянуть на его лицо.

В о п р о с. На его лице было что-то необычное?

О т в е т. Множество мелких царапин.

В о п р о с. Как они выглядели?

О т в е т. Ярко-розовые, с капельками недавно свернувшейся крови по краям.

В о п р о с. Как давно свернувшейся, по вашей оценке?

О т в е т. Видите ли, я не специалист...

В о п р о с. Хотя бы примерно: час, полчаса назад?

О т в е т. В этих пределах.

Доктор Ломбар, судебно-медицинский эксперт, производил вскрытие трупа на следующий день после убийства.

В о п р о с. Будьте любезны, доктор, опишите нам, стараясь не пользоваться слишком уж специальной терминологи-

гий, путь, проделанный в теле смертоносной пулей.

О т в е т. Войдя под четвертое левое ребро, она поразила кровеносные сосуды у основания сердца, пробила правое легкое и вышла у правой лопатки.

В о п р о с. Не удивительно ли, что пуля столь малого калибра смогла пересечь всю грудную клетку?

О т в е т. Нисколько. На ее пути не встретились ни ребро, ни позвонок, так что...

З а щ и т н и к. Предположим, что пуля попала бы в кость. — (*Смешки в зале.*) — В этом случае она причинила бы меньший ущерб?

О т в е т. Не обязательно. Все зависит от угла отклонения.

З а щ и т н и к. Скажите, за вашу многолетнюю практику вам часто встречались столь удачно — или неудачно — направляемые внутри тела пули?

О т в е т. Когда пуля входит под углом под четвертое левое ребро, она обычно и должна насквозь прошить грудную клетку слева направо, как... как вязальная спица протыкает моток шерсти.

З а щ и т н и к. Суд не преминет оценить по достоинству это образное сравнение... Но если бы вы, доктор, захотели убить наверняка, то стреляли бы вы именно таким образом?.. Или же вы избрали бы более уязвимую часть тела — например, горло или голову?

О т в е т. Мне никогда не хотелось кого-либо убить.

З а щ и т н и к. Может быть, я не слишком удачно выразился, тогда позвольте мне задать вам этот вопрос несколько по-другому... Как вам представляется, выстрел был произведен сознательно, с намерением убить, или случайно, во время схватки между жертвой и подсудимым, таким образом, что стрелявший не мог предвидеть столь трагических последствий?

П р о к у р о р. Да не прогневается защита, но я позволю себе напомнить суду, что смертоносная пуля была выпущена вслед за двумя другими, не поразившими цель. Из чего можно заключить, что подсудимый был полон решимости убить.

З а щ и т н и к. Ничто не доказывает, что две первые пули были выпущены моим подзащитным. С таким же успехом он мог вырвать револьвер из рук госпожи Лежанье после того, как она дважды нажала на спусковой крючок, — из опасения, как бы она в конце концов не попала в цель.

П р о к у р о р. Дальнейшие прения бессмысленны. В этом вопросе нас должен рассудить специалист по отпечаткам пальцев.

Эксперт-дактилоскопист Боннефуа, сорокалетний блондин говорил медленно, но категорично. На оружии преступления не обнаружено ничьих других отпечатков пальцев, кроме подсудимого.

З а щ и т н и к. Это не показалось вам странным, если учесть, что револьвер принадлежит госпоже Лежанвье?

О т в е т. Нет. Отпечатки пальцев имеют тенденцию стираться со временем или же могут быть перекрыты более свежими.

З а щ и т н и к. В последнем случае они выглядят более или менее размытыми, как это обычно бывает при наложении?

О т в е т. Ну, это зависит...

З а щ и т н и к. Отвечайте только «да» или «нет».

О т в е т. Их идентификация, по-видимому, представляет несколько бóльшие трудности, но...

З а щ и т н и к. Но вам с ними столкнуться не довелось, не так ли? Вы подтверждаете, что отпечатки пальцев были совершенно четкие?

О т в е т. Да.

З а щ и т н и к. Не означает ли это, что оружие предварительно вытерли?

О т в е т. Не обязательно. К такому же результату может привести постоянное трение, периодическое соприкосновение с тканью — например, с подкладкой сумочки или карманом. Вообще надо иметь в виду, что отпечаток пальца появляется только на совершенно гладкой поверхности при повышенной потливости.

«БЕЗРЕЗУЛЬТАТНАЯ ПЕРЕСТРЕЛКА

МЕЖДУ ЗАЩИТОЙ И ЭКСПЕРТОМ БОННЕФУА» —

примерно такие заголовки должны были появиться в вечерних выпусках газет.

Перед судом прошли другие свидетели, потом наступил вечер, пришлось зажечь люстры.

Жоэлла первая покинула Дворец Правосудия, продрогнув до костей. Она знала, что Тони невиновен. Но ей так и не удалось привлечь к себе его внимание. Он смотрел только на председателя суда и на прокурора.

Может быть, он ее больше не любит?

Может быть, он никогда ее не любил?

Может быть, он любил Диану?

«Тогда пускай выкручивается как знает!» — подумала Жоэлла, засыпая. Она решила свидетельствовать в его пользу только в том случае, если он ответит на ее жестикуляцию.

ГЛАВА II

Билли Гамбург рассеянно ответил на первые поставленные ему вопросы. Он вспоминал, как немногим более года назад в качестве обыкновенного зрителя присутствовал на другом процессе, обсуждая его перипетии с Дото.

Сегодня перед тем же судом за не менее страшное преступление предстал тот же подсудимый, а сам он, Билли,— вот это хохма! — призван принять в спектакле активное участие!

В о п р о с. Итак, вы с госпожой Гамбург на протяжении нескольких дней были гостями четы Лежанье?

О т в е т. Да, с пятницы, второго числа.

В о п р о с. Они пригласили вас?

О т в е т. Этого не требовалось. Для нас двери их дома всегда были открыты.

В о п р о с. И для подсудимого тоже? Ведь он приехал с вами.

О т в е т. Идея провести выходные в «Вязах» родилась у него. Не оставлять же было его на скамейке в Тюильрийском саду.

О т в е т. Будьте любезны рассказать суду, при каких обстоятельствах вы позвонили в полицию.

О т в е т. Я собирал в глубине парка грибы. Когда услышал со стороны домика тарарам, сразу рванул туда... Диана — pardon, жертва — лежала навзничь с дырой в груди, демонстрируя свои прелести не в пример щедрее, чем при жизни. Подсудимый тоже прикорнул на полу с браунингом в клешне. Мэтр Лежанье, прибавивший ввиду своего почтенного возраста, вылупил на парочку, будто ждал, что вот сейчас они вскочат и сделают ему ручкой. В общем, ежу понятно, что дело швах.

Один из присяжных. Боюсь, что нам не уловить всех оттенков цветистой речи свидетеля...

Председатель суда. Будьте добры, поменьше жаргонных словечек и побольше уважения к суду.

О т в е т. Прошу меня простить, это от волнения...

Защитник. Что конкретно вы подразумеваете под словом «тарарам»?

О т в е т. Внезапные и необычные громкие звуки.

Защитник. В данном случае вызванные чем?

О т в е т. В тот миг я не задавался таким вопросом.

Защитник. Но мы у вас спрашиваем об этом сейчас!.. Ведь как бы там ни было, а этот шум показался вам достаточно подозрительным, чтобы вы прекратили собирать грибы, бросили свою корзинку и...

О т в е т. Корзинку я там не бросал. Она висела у меня на руке, с ней я и мотанул в домик.— *(Смех в зале.)*

Председатель суда. Тихо! Свидетеля вторично просят выбирать выражения.

О т в е т. Так ведь защита просила подробностей...

Защитник. *Других* подробностей, господин Гамбург!.. Кстати, насчет подробностей... Не скажете ли вы нам, чем вы занимались в тот день?

О т в е т. До наступления сумерек я трудился в своей комнате над проектом одной афиши. Когда света мало, цвета меняются, так что

работа была впустую. Тогда-то я и решил отправиться по грибы.

Защитник. Однако вернемся к «тарараму» — или, если воспользоваться вашим истолкованием, внезапным и необычным громким звукам, которые прервали ваше мирное занятие. Когда они раздались, вы, согласно вашим показаниям на предварительном следствии, находились в нескольких сотнях метров от охотничьего домика. Что включали в себя эти звуки?

Ответ. Звон бьющегося стекла. Отрывистый кашель револьвера.

Защитник. Сколько прозвучало выстрелов?

Ответ. То ли два, то ли, скорее всего, три... ведь стреляли-то три раза.

Защитник. Я протестую! Свидетель подгоняет свои показания под факты, что стали известны ему впоследствии. Грохот стекла не спутаешь с выстрелами, два никогда не равнялось трем... Так сколько вы слышали выстрелов? Два? Три?

Ответ. Два или три. В это время, помнится, как раз налетел ветер...

Защитник. Следует ли понимать это так, что вы отказываетесь отвечать?

Ответ. Ни в коем случае. Просто отказываюсь приукрашивать действительность.

Защитник. А вас никто и не просит — ведь это не афиша. — *(Оживление среди публики.)*

Ответ. Я бы предпочел афишу — она чище... — *(Ропот в зале.)*

Председатель суда. Прошу тишины! Суд в последний раз призывает свидетеля к порядку!

(«Боже правый, куда это меня заносит? — мысленно ужаснулся Билли Гамбург. — Веду себя как последний идиот. Того и гляди, нарвусь на неприятности: ведь адвокат неспроста интересовался, чем я занимался в тот день! Он меня ловит... Да-а, если они разнохают, что...»)

Защитник. Поскольку свидетель не проявляет доброй воли, я попробую поставить вопрос иначе... Если предположить — я подчеркиваю, если предположить, — что господин Гамбург одновременно услышал звон бьющегося стекла и выстрелы — из чего можно заключить, что речь идет о первых двух выстрелах, не попавших в цель, — то слышал ли свидетель вслед за этим, когда бежал к охотничьему домику, какой-либо другой звук, более или менее похожий на выстрел? Прошу отвечать «да» или «нет».

(«Дальше улавливать бессмысленно», — подумал Билли и решительно произнес.

— Нет.

(Воцарилась полная тишина.)

Защитник. И из этого вы делаете вывод, что было произведено три выстрела подряд?

О т в е т. Не понимаю, куда вы клоните? Выводы делать вам, я всего лишь свидетель.

(На самом деле Билли уже давно понял, какую игру ведет защита. Чтобы доказать невиновность Лазаря, она стремится ни много ни мало втянуть в это дело третьего.

И начала с него, с Билли...)

По такому случаю Дото нарядилась в сногшибательное платье, которое получила от портнихи нынче же утром: темно-пурпурное, оно как бы освещалось жабо в стиле «адвокат».

Не слишком ли явный намек?

Войдя в зал, она сразу же успокоилась: председатель суда уже не дремал, только делал вид.

В о п р о с. В тот день, когда было совершено убийство, вы действительно ездили с мэтром Лежанвье в Париж?

О т в е т. Да. Я собиралась навеститься к парикмахеру и к портнихе.

В о п р о с. Мадемуазель Лежанвье поехала вместе с вами?

О т в е т. Да, но ей что-то стало не по себе, и она покинула нас на полпути, чтобы вернуться в «Вязы».

З а щ и т н и к. В котором часу вы расстались с мэтром Лежанвье?

О т в е т. Не знаю. Он любезно предоставил мне свой автомобиль, и мне сразу расхотелось торчать у парикмахера. Я решила поискать себе шляпку, одно из тех простодушно-трогательных творений, что можно обнаружить только в предместье... Не знаю, поймете ли вы меня...

П р е д с е д а т е л ь с у д а. Умудренные житейским опытом судьи прекрасно вас поймут... Полиция прибыла в «Вязы» при вас?

О т в е т. Да. Все эти хождения взад и вперед меня заинтриговали.

В о п р о с. Вы не опишете нам сцену?

О т в е т. Мне бы не хотелось. Уж больно некрасиво.

В о п р о с. Простите меня за настойчивость, но...

О т в е т. Охотно прощаю вас, господин председатель! Погодите, дайте вспомнить... Диана лежала на полу с обнаженными до бедер ногами. Тони...

З а щ и т н и к. Тони?

О т в е т. Подсудимый. Он только что поднялся на ноги и как-то невпопад отвечал на вопросы комиссара. Когда его стали уводить, он принялся отбиваться и кричать. Он кричал...

З а щ и т н и к. Что он кричал?

О т в е т. Уж больно некрасиво!

З а щ и т н и к. Неважно. Что он кричал?

О т в е т. Ну что ж... Он кричал: «Подонок, подонок, подонок!» Все громче и громче.

Защитник. И к кому это относилось?

Инстинкт подсказал Дото, что ей следует рассеять не слишком благоприятное впечатление, произведенное тоном ее предыдущих ответов, иначе она может лишиться симпатий председателя суда, публики и газетчиков.

Ответ. К несчастному вдовцу.

ГЛАВА III

«УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ ПАДЧЕРИЦЫ УБИТОЙ» — гласили на следующий день заголовки газет.

«С прической «конский хвост» Жоэлла Лежанвье влетела в зал суда подобно цирковой лошадке» («Эвенман»).

«НЕПОНИМАНИЕ ИЛИ ВЫЗОВ?»

«Поведение Жоэллы Лежанвье вызывает порицание у председателя суда Пари...» («Эпок»).

«Свидетельница высказывает невероятную для столь юного создания бесчувственность...» («Пари-Миню»).

«ВСЬ ЦИНИЗМ НЫНЕШНЕЙ МОЛОДЕЖИ
БЕЗЗАСТЕНЧИВО ВЫПЛЕСНУТ У
СВИДЕТЕЛЬСКОЙ ТРИБУНЫ» («Републикен»).

Жоэлла никак не могла взять в толк, в чем ее упрекают.

Стоило ей перехватить взгляд Тони, этот требовательный взгляд, от которого ей всегда становилось жарко, как ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Все сразу стало на свои места. Как она хотя бы на миг могла вообразить, будто он ее разлюбил и спать с Дианой ему доставляло удовольствие?!

Вопрос. В котором часу вы в день убийства покинули «Вязы»?

Ответ. Сразу же после обеда, часа в два. Отец попросил меня съездить в Париж, но мне этого совсем не хотелось.

Вопрос. Потому-то вы и вернулись с полдороги?

Ответ. Да, я вышла из машины в Палезо.

Вопрос. Как вы добирались до «Вязов»? Автобусом? Поездом?

Ответ. В «ягуаре».

Вопрос. В каком «ягуаре»?

Ответ. В черно-лиловом «ягуаре» с немецким номерным знаком.

Вопрос. Кто был за рулем?

Ответ. Такой высокий блондин со шрамами, который предпочитал разговаривать с помощью рук.

Вопрос. Должны ли мы понимать это так, что вы не знаете, кто это был?

О т в е т. Он сказал мне только имя: Эрик. Я тормознула его на одном из поворотов.

В о п р о с. Не было ли с вашей стороны неосторожностью садиться в автомобиль к первому встречному?

О т в е т. Он был не первым встречным. До него я пыталась остановить еще четверых.

В о п р о с. В котором часу вы вернулись в «Вязы»?

О т в е т. Понятия не имею. Мне пришлось выйти раньше и часть пути проделать пешком.

В о п р о с. Почему?

О т в е т. Чтобы не лишиться девственности.— (*Оживление в зале. Первое предупреждение председателя суда.*)

В о п р о с. Что вы делали по возвращении?

О т в е т. Выпила аспирин. Надеялась, что от него полегчает. Не раздеваясь, рухнула на постель и вскоре, похоже, уснула...

В о п р о с. То есть вы не в состоянии пролить свет на трагедию, разыгравшуюся к вечеру?

О т в е т. Само собой. Я узнала об этом, только когда проснулась.

В о п р о с. Если вы неважно чувствовали себя, когда возвратились в «Вязы», то почему не зашли к госпоже Лежанвье?

О т в е т. А зачем?

В о п р о с. Она могла бы поухаживать за вами...

О т в е т. Чем меньше мы с ней виделись, тем лучше было для обеих.

В о п р о с. Прикажете понимать вас так, что вы не ладили друг с другом?

О т в е т. Это В. Л. на ней женился, а не я!

Один из присяжных (*уже подававший голос*). В. Л.?

О т в е т. Вернер Лежанвье.

В о п р о с. Настало время затронуть один деликатный вопрос... Соответствует ли действительности сделанный в ходе расследования вывод, что подсудимый в то время питал к вам особый интерес... э-э... сентиментального порядка?

О т в е т. Да, и физиологического тоже.

В о п р о с. Суд не спрашивал у вас таких подробностей! В данном случае речь шла о мимолетном увлечении или же подсудимый собирался соединить свою судьбу с вашей?

О т в е т. Он хотел украсть меня и увезти за границу. На Азорские острова.

В о п р о с. И вы намеревались последовать за ним?

О т в е т. Да. Он мне нравится.

Именно в этот момент Жоэлла, случайно подняв глаза, встретила с влажным и требовательным взглядом Лазаря и поняла, что он всегда предпочитал ее Диане.

В о п р о с. Вероятно, вы хотите сказать, что он нравился вам тогда?

О т в е т. Нет, я хочу сказать, что он и сейчас мне нравится.

П р о к у р о р. Даже несмотря на то, что он повинен в столь тяжком преступлении?

О т в е т. Это еще надо доказать. — *(Ропот в зале.)*

П р е с е д а т е л ь с у д а. Я вынужден продолжить допрос без скидки на ваш юный возраст... В то время вы знали, что подсудимый женат?

О т в е т. Да. Женат, разведен и вторично женат.

В о п р о с. Вы знали, что он был любовником жертвы, как это можно заключить из некоторых их записок друг другу, с которыми суд уже ознакомился?

О т в е т. Да. Он нуждался в деньгах, и она ему их давала.

В о п р о с. И подобное положение вас не возмущало?

О т в е т. Нет. Такое случается сплошь и рядом. — *(Негодующие возгласы и свист, предупреждение со стороны председателя суда.)* — А любит он меня.

З а щ и т н и к. Уверены ли вы — а вы даете показания под присягой, — что по возвращении на виллу чувствовали себя плохо, приняли аспирин и уснули? Не было ли у вас — чем объяснялось бы ваше упорное нежелание говорить — свидания с подсудимым в тот день, как и в предыдущие дни в то же время?

О т в е т. Нет.

З а щ и т н и к. Разве у вас с подсудимым не вошло в обычай ежедневно встречаться?

О т в е т. Мы встречались мимоходом, где-нибудь в коридоре.

З а щ и т н и к. Вы обменивались записками, назначали друг другу тайные свидания?

О т в е т. Он подавал мне знак.

З а щ и т н и к. А в тот день он не подавал вам знака?

О т в е т. Нет, ведь я поехала в Париж.

З а щ и т н и к. Вы сказали, что вернуться с полдороги вас вынудило недомогание. Не было ли это недомогание вызвано приступом ревности?

О т в е т. Нет.

З а щ и т н и к. Вернувшись в «Вязы», вы, похоже, и впрямь не стремились встретиться с мачехой. Но может быть, вы намеревались потребовать объяснений подсудимого, зная, что он остался на вилле... с ней?

О т в е т. В тот момент я думала не о нем, а об Эрике.

З а щ и т н и к. О том неизвестном автомобилисте, чьи чересчур настойчивые ухаживания вам пришлось отвергнуть?

О т в е т. Угадали.

З а щ и т н и к. В общем, вам нелегко было разобраться в ваших противоречивых чувствах?

О т в е т. Что вы, я люблю Тони. Рано или поздно я стану его женой.

Защитник. У меня все.

Председатель суда. Мадемуазель, суд понимает, как потрясла вас пережитая трагедия, но призывает вас к благоразумию. Должно быть, вы страдали от повторной женитьбы вашего отца?

Ответ. Да... Я любила Франсье.

Вопрос. Франсье?

Ответ. Маму.

Вопрос. Таким образом, вы с самого начала встретили вторую госпожу Лежанвье в штывы?

Ответ. Она была вылитая гусыня.

Вопрос. Вы говорите о мертвой.

Ответ. Какая разница? — *(Ропот, свист в зале.)*

Вопрос. Достаточно. Суд выражает сожаление, что не потребовал закрытого заседания. Вы можете быть свободны.

Ответ. До свидания и спасибо.

«ДО СВИДАНИЯ И СПАСИБО! —

непринужденно бросает юная Жоэлла Лежанвье председателю суда присяжных.

Прежде чем покинуть свидетельское место, дочь знаменитого адвоката посылает подсудимому воздушный поцелуй.

И на четвертый день процесса мотив преступления продолжает оставаться неясным» (из вечерних газет).

ГЛАВА IV

— Поклянитесь говорить правду, всю правду, ничего, кроме правды... Поднимите правую руку... Повторяйте: «Клянусь!»

— Клянусь, — отозвался Вернер Лежанвье.

Вопрос. В день, когда было совершено убийство, вы действительно ездили в Париж вместе с дочерью и госпожой Гамбург?

Ответ. И да, и нет. Моя дочь Жоэлла покинула нас на полдороге и вернулась в «Вязы».

Вопрос. Чем вы занимались в столице?

Ответ. Я направился напрямик в свой кабинет, где совещался со своими коллегами, мэтрами Лепаж и Меран.

Вопрос. До самого вечера?

Ответ. Часов до шести, пока госпожа Гамбург не приехала за мной на моей машине, которой я разрешил ей пользоваться по своему усмотрению.

Вопрос. Что вы сделали, когда вернулись в «Вязы»?

Ответ. Отправился на поиски жены.

Вопрос. У вас на это были какие-либо веские основания?

Ответ. Да нет, я... мне всегда хотелось ее увидеть,

после того, как я хоть ненадолго с ней расставался.

Вопрос. Где вы ожидали ее найти?

Ответ. Где угодно: в гостиной, на кухне, в нашей спальне. Но ее нигде не было. Я даже заглянул в комнату дочери.

Защитник. И ваша дочь была там?

Ответ. Да. Она лежала одетая на кровати и, похоже, спала.

Вопрос. Вы не попытались ее разбудить?

Ответ. Нет. Зачем? Она наверняка приняла снотворное или успокоительное — в стакане у изголовья еще оставался осадок от таблетки.

Председатель суда. Что вы предприняли потом?

Ответ. Мне пришло в голову, что жена могла наведаться в охотничий домик в глубине парка.

Вопрос. Почему вы так подумали?

Ответ. Потому что накануне я обнаружил ее именно там.

Защитник. Одну?

Ответ. Нет. В обществе подсудимого. Моя дочь покинула их перед самым моим приходом.

Защитник. Защита оставляет за собой право впоследствии вернуться к этому обстоятельству.

Прокурор. Обвинение тоже.

Председатель суда. Продолжайте, мэтр. Не упускайте ни малейшей подробности.

Ответ. Я бегом пересек парк.

Защитник. Почему бегом? У вас были причины беспокоиться?

Ответ. Вроде бы не было, но сейчас я припоминаю, что испытывал смутные опасения, ощущение нависшей угрозы — назовите как угодно.

Председатель суда. Чувство тревоги?

Ответ. Вот именно.

Вопрос. Вокруг было еще достаточно светло?

Ответ. Сумерки быстро сгущались, но светила луна. Впрочем, до охотничьего домика я мог бы добраться с завязанными глазами. До него оставалось совсем немного, когда раздались выстрелы...

Вопрос. Сколько?

Ответ. Три: первых два почти одновременно и смешавшись с грохотом бьющегося стекла, а третий чуть погодя.

Защитник. Суд обратит внимание на то, что в показаниях мэтра Лежанвье и господина Гамбурга удивительно много совпадений.

Прокурор. Не вижу в этом ничего удивительного, ведь оба в этот миг находились в парке: один в десятке метров от домика, другой — в ста или ста пятидесяти.

Председатель суда. Минуточку, господа! У вас еще будет возможность подискутировать, когда я закончу со

свидетелем... Продолжайте, мэтр... Что вы увидели внутри?

«Незабываемую», кошмарную картину,— подумал Вернер Лежанье.— Как описать мертвую Диану, ее бесстыдно обнаженные ноги? Где найти подходящие слова?»

Ответ. Моя жена лежала навзничь на полу, и на уровне корсажа явственно виднелась огнестрельная рана. Подсудимый стоял в нескольких шагах с браунингом в руке и пристально смотрел на нее.

**«ВПЕРВЫЕ ЗА ТРИ ДНЯ
ПОДСУДИМЫЙ ВСТАЕТ СО СКАМЬИ,
ЧТОБЫ ЗАЯВИТЬ О СВОЕЙ НЕВИНОВНОСТИ»** (из газет).

— Неправда! Врешь, мерзавец!..— (Лазарь.) — Это я, возвратившись в «Вязы», застал тебя над трупом Дианы, это ты убийца!.. «Пусть погибнет мир, но да свершится правосудие!» Как бы не так!.. «Поклянитесь говорить правду, ничего, кроме правды!» Хотел бы я знать: как ты потом останешься наедине со своей хвальной совестью?

Лазарь рухнул на скамью: стоявшие у него по бокам жандармы заломили ему руки за спину. На лбу у него блестели капли пота, и он задыхался от бессильной ярости.

Уже на предварительном следствии его версия была воспринята с недоверием. Слишком поздно он спохватился, что не так важно быть невиновным, как выглядеть таковым, что недостаточно сказать правду: главное — чтобы она правдоподобно звучала.

Кое-где в зале энтузиасты повскакивали с мест, требуя казни. Да, уж если ему не удавалось переубедить домохозяек, то в его ли силах переубедить присяжных?

Он понял, что приговорен.

Стенографический отчет о судебном заседании (продолжение)

Прокурор. Позволено ли мне будет — после удивительного обвинения из уст подсудимого — выразить мнение, что тот частный парк все больше и больше напоминает мне общественный сквер?

Подсудимый. Повторяю, середину дня я провел в «Ивняке». Там у меня было назначено свидание с Дианой, на которое она не явилась. Вернувшись в «Вязы», я услышал выстрелы...

Прокурор. Но ведь вы не можете этого доказать!

Защитник. Это вам надлежит доказывать виновность подсудимого!

Председатель суда. Господа, еще раз прошу вас: дайте мне закончить допрос свидетеля и уже тогда открывайте диспут... Итак, мэтр, вы сказали, что увидели свою жену лежащей на полу, а подсудимый стоял над ней, сжимая в руке револьвер?.. Этот самый револьвер, марки «Лилипут», калибра 4,25, который принадлежит госпоже Лежанье и в котором не хватает трех пуль,—

приобщенное к делу вещественное доказательство номер один?

О т в е т. Да.

В о п р о с. Какова была ваша реакция?

О т в е т. Мне показалось, что он собирается удрать... До сих пор не помню, как я нанес ему удар — должно быть, чисто рефлекторно... Вероятно, ребром ладони по горлу...

З а щ и т н и к. После чего вы достали из кармана собственный револьвер бельгийского производства и наставили его на подсудимого?

О т в е т. Да.

З а щ и т н и к. Как получилось, что именно в этот момент у вас при себе оказалось оружие?

О т в е т. У меня есть на него разрешение — ввиду частых дальних поездок на автомобиле по вызову.

З а щ и т н и к. Допустим. Но в таком случае револьвер должен был бы находиться в кармане на двери вашего автомобиля, а не в кармане вашего пиджака.

О т в е т. Я взял его оттуда из предосторожности, перед тем как отдать машину на целых полдня в распоряжение госпожи Гамбург. По возвращении же, торопясь в «Вязы», я просто позабыл положить его на место.

З а щ и т н и к. Весьма своевременная забывчивость... Что сказал вам подсудимый, когда пришел в себя?

О т в е т. Ничего.

З а щ и т н и к. Ничего?

О т в е т. Ничего, что стоило бы упоминания или могло бы повлиять на ход процесса.

З а щ и т н и к. Минуточку, мэтр Лежанвье!

П р е с е д а т е л ь с у д а. Минуточку, мэтр Маршан! Слово пока принадлежит суду, который вынужден затронуть деликатную тему... Мэтр Лежанвье!

— Да,— отозвался Лежанвье.

Он лучше, чем кто-либо другой, знал, что сейчас последует,— он готовился к этому уже несколько месяцев. И тем не менее достал из жилетного кармашка «взрывчатую» пилюлю, украдкой поднес ее ко рту, и, оттого что она хрустнула на зубах, его усталое сердце каким-то чудом стало биться ровнее.

Жаль, что рядом нет Сильвии, подумал он, она бы протянула ему стакан воды, чтобы исчезла горечь во рту...

Он покачал головой. Если поразмыслить, Сильвия наверняка где-то здесь, в зале: должно быть, ловит его малейший жест, переживает за него, так же как и Меран. И оба они, прячась друг от друга, суеверно скрещивают пальцы и мысленно молят за него провидение.

Лежанвье вдруг почувствовал облегчение. Что бы ни случилось, эти двое будут с ним до конца.

В о п р о с. Вы жили в согласии с госпожой Лежанвье?

О т в е т. В полном согласии.

В о п р о с. Госпожа Лежанье была существенно моложе вас?

О т в е т. Да, лет на пятнадцать.

В о п р о с. Подобная разница в возрасте не вносила в ваши отношения разлада?

О т в е т. Нет.

В о п р о с. Извините, что я настаиваю... Всем известно, что вы человек очень занятой, почти все свое время отдаете работе. Госпожа Лежанье, красивая светская женщина, часто выезжала... с друзьями. Не приходилось ли вам в прошлом прощать ей какое-нибудь мимолетное увлечение?

О т в е т. Никогда.

В о п р о с. Расследованием, увы, установлено, что жертва и обвиняемый находились в предосудительных отношениях... Вы знали об этом?

О т в е т. Нет. И до сих пор отказываюсь в это верить. Теперь подсудимому вольно обливать мою жену грязью — она уже не опровергнет...

З а щ и т н и к. Подсудимому нет никакого смысла лгать по этому поводу. Напротив, это представляет его в весьма невыгодном свете, так что на следствии он лишь вынужденно признал факты.

О т в е т. Я смотрю на эти вещи иначе. Если все вокруг убеждены, что подсудимый состоял в связи с моей женой, то из этого обязательно сделают вывод, что это она угрожала ему револьвером из ревности и что он убил ее то ли случайно, то ли в порядке необходимой обороны...

А д в о к а т г р а ж д а н с к о г о и с т ц а. Заключение судебного эксперта противоречит этому выводу. Напоминаю, что у жертвы обнаружена начальная стадия удушения.

З а щ и т н и к. В любом случае мой подзащитный ни словом не упомянул о необходимой обороне, чего не преминул бы сделать, если бы все происходило таким образом. Он настаивает на своей полной невиновности, утверждает — и будет утверждать до конца процесса, — что оказался на месте преступления уже *после* того, как оно совершилось, и застал там свидетеля.

О т в е т. Очередная ложь.

Лазарь подскочил как ужаленный, чуть было не закричал вновь о своей невиновности, но, видимо, решил не вступать в неравную схватку с жандармами.

— Выходит, я лгу? Лгу от начала и до конца? — Он изъяснялся с ехидной вкрадчивостью. — Тогда спросите у меня, папаша, делали ли Диане операцию по поводу аппендицита?.. Было ли у нее на левой ляжке родимое пятно?..

**«ПОДСУДИМЫЙ СОЗНАТЕЛЬНО СТРЕМИТСЯ
ВНУШИТЬ К СЕБЕ ОТВРАЩЕНИЕ?»**

Примирился ли он с тем, что проиграл дело? Или прячет в рукаве козырную карту?

Уже одно его поведение на процессе исключает всякую снисходительность» (из газет).

О т в е т. Мэтр, если добродетель госпожи Лежанвье остается выше всяких подозрений, то, по-вашему, каков мотив действий подсудимого?

О т в е т. Не представляю. Быть может, он решил воспользоваться тем, что остался с ней в «Вязах» наедине, и изнасиловать ее, но...

В о п р о с. До тех пор у вас не создалось впечатления, что он... э-э... проявляет интерес к госпоже Лежанвье?

О т в е т. Нет. С виду он проявлял интерес только к моей дочери.

В о п р о с. И вы относились к этому совершенно спокойно?

З а щ и т н и к. Все это не имеет никакого смысла!.. Защита берется доказать, что подсудимый не может быть виновен по той простой причине, что у него не было никаких причин для убийства!.. Был он или не был любовником жертвы — это ничего не меняет в деле! Он не мог жениться на Жоэлле Лежанвье, поскольку он уже женат. Вообразим на миг, как предположил свидетель, что подсудимый лжет — вопреки собственным интересам, повторяю, ведь в случае необходимой обороны он был бы оправдан, — и что жертва на самом деле из ревности угрожала ему своим «Лилипутом»... Неужели он, разоружив ее, стал бы трижды стрелять в нее с намерением убить? Да никогда в жизни! — (Это невольно вырвавшееся слово потом на все лады обыгрывалось в прессе.) — Я взываю к присяжным!.. Где это видано — осудить человека, находящегося в здравом уме, за немотивированное убийство!

П р е с и д е н т с у д а. Мэтр, слово для защиты вам будет предоставлено позже.

Ж.-Ж. Жура почесал за ухом своей шариковой ручкой. (Из-за этой привычки шея у него вечно была испачкана зеленой пастой.) Судебную хронику для «Эпок» он вел без всякого удовольствия. Гораздо охотнее он занимался бы театральной хроникой: уж в вокале-то и хореографии он разбирался.

«ЗАЩИТА ВЫИГРЫВАЕТ БАЛ.

Пока мотив преступления остается неясным, сомнения будут толковаться в пользу подсудимого».

Так решил он озаглавить свой материал, но тут неожиданно наступившее молчание, предвестник бури, заставило его поднять голову и взглянуть на судей.

Все смотрели на мэтра Лежанвье — бледный, как смерть, сгорбившийся, он, словно боясь упасть, обеими руками вцепился в свидетельскую трибуну.

«Он не скажет этого! — весь в поту, думал Лазарь. — Он не сделает этого! Он не кинется в омут ради того, чтобы утащить меня за собой!

— Без мотива не убивают! — гордый собой, ликуяще повторил защитник подсудимого. — Пусть кто угодно попробует доказать, что у моего подзащитного был мотив для убийства!

О т в е т. У него было мотив: *он шантажировал меня!* Если вы помните, на предыдущей сессии суда присяжных я защищал его, обвинявшегося в том, что он перерезал горло своей любовнице, Габриэлле Конти. Само собой разумеется, я считал его невиновным. Но это оказалось заблуждением, которое он рассеял после своего оправдания, придя ко мне домой с угрозами, если я не выполню его требований, растрюбить на весь мир, что я *побудил* его — я, Лежанвье! — *отрицать свою вину!*.. Больше всего я боялся потерять уважение жены, ее любовь. Я испугался, отступил перед угрозой скандала — до того дня, как раз накануне убийства, когда Диане случайно открылась правда. Я думал, что потеряю ее, но она сразу успокоила меня. Насколько я тогда ее понял, подсудимый сделал ей неосторожные признания на следующий же день после оправдания, но она считала, что у нее есть чем воздействовать на него, заставить его отказаться от своих безумных требований... Вот почему она попросила меня съездить назавтра в Париж, забрать с собой Жоэллу, оставить ее наедине с ним... Вот почему подсудимый, убедившись, что внезапно лишился своих козырей, преднамеренно убил ее, как перед этим преднамеренно убил Габриэлла Конти!

(Оцепенение в зале.)

— Это самоубийство! — ошеломленно пробормотал мэтр Сильвия Лепаж.

Вернер Лежанвье только что сознательно погубил свою карьеру — отныне ему уже не придется никого защищать.

— Нет, это смертный приговор! — возбужденно возразил Меран.

Подсудимый заслужил это — кто же безнаказанно бросает вызов самому Лежанвье!

Однако что-то — чувство, близкое к стыду, — удержало Мерана хотя бы от того, чтобы захлопать.

З а щ и т н и к. Защита протестует! Мэтр Лежанвье только что, ничтоже сумняшеся, выдал профессиональную тайну! За такие вещи изгоняют из адвокатов!

П р о к у р о р. Мэтр Лежанвье не заслуживает никакого упрека. Он стал жертвой шантажиста и признался нам в этом только под давлением обстоятельств, в высших интересах правосудия!

П р е с е д а т е л ь с у д а. Господа, господа!

З а щ и т н и к. Где доказательства его искренности?

П р е с е д а т е л ь с у д а. Что он выигрывает? Ничего. Что он теряет? Всё.

З а щ и т н и к. Он мстит.

П р о к у р о р. Другими словами, вы признаете, что подсудимый отплатил ему черной неблагодарностью, отняв у него жену, и что он не имел бы возможности шантажировать своего адвоката, если бы не ускользнул от заслуженного наказания?

Защитник. Ничего я не признаю! Мы не в Кассационном суде! На настоящем заседании рассматривается дело Лазаря — Лежанье, а вовсе не дело Лазаря — Конти, давным-давно похороненное!

Прокурор. Лично я поостерегся бы употреблять это слово... Впрочем, обвинение в данном случае присоединяется к защите и напоминает присяжным, что они должны забыть о несправедливом оправдании подсудимого в прошлом убийстве и вынести справедливый вердикт по поводу очередного!

Подсудимый. Протестую! *Я не убивал Габи Конти!*

Прокурор. Вот как? Интересно.

Подсудимый. *Я не убивал Габи Конти!* Я просто возвел на себя поклеп, чтобы взять старика в оборот.

Прокурор. Силен фрукт! — *(Крики, свист, топот.)*

Председатель суда. Прошу тишины! Все это не имеет никакого отношения к настоящему делу. *(К свидетелю.)* Вы ничего не хотите добавить, мэтр?

Ответ. Нет. Я лишь высказываю пожелание, чтобы подсудимый был приговорен к смертной казни.

Сдержанное выступление адвоката гражданского истца, безжалостная обвинительная речь прокурора и желчная речь защитника заняли весь следующий день.

К шести часам вечера присяжные после недолгого совещания вынесли вердикт.

Подсудимый не выказал ни малейшего волнения. Под устремленными на него взглядами всех присутствующих он все с той же сардонической усмешкой под тонкими черными усиками, которая не сходила с его губ на протяжении всех пяти дней процесса, едва заметно поклонился прокурору, чем привел в смятение не одно женское сердце.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА I

Уже много месяцев Лежанвье и Жоэлла почти не разговаривали друг с другом, если не считать редких «привет» и «пока».

Большую часть времени Жоэлла проводила у подруг — во всяком случае, так полагал Лежанвье, — лишь изредка разделяя с отцом трапезу: возвращалась она частенько за полночь и тогда, бывало, нетвердо держалась на ногах — во всяком случае, лестницу на второй этаж преодолевала с трудом, напевая при этом прилипчивый мотивчик.

Ни колкостей, ни стычек — лишь растущее взаимное равнодушие...

Поначалу Жоэлла еще предупреждала отца, куда направляется, отсекая всякую попытку возразить. В дальнейшем она взяла привычку оставлять где-нибудь на столе мятые бумажки, которые Лежанвье находил всегда поздно, примерно такого содержания: «Я у Жессики... Катаюсь в «Молиторе»*... Ужинать не приду... До вечера, а вообще как получится...» Подпись: «Ж.».

Теперь она не утруждала себя и этим. Она просто отсутствовала, а когда случайно бывала дома, то казалась все более далекой, рассеяннo листала журнал или отщипывала кусочки от булочки и смотрела всегда куда-то мимо отца, словно он стал прозрачным.

— Он хочет тебя видеть, — сказала она в один из вечеров, вставая после ужина из-за стола.

— Кто? — удивленно спросил адвокат.

* «Молитор» — один из спортивных катков Парижа.

— Тони.

— Ты ходила к нему?

Жоэлла промолчала, и Лежанвье пожалел, что задал этот вопрос. Как бы она узнала, если б не ходила?.. Но ведь это означает, что она не примирилась с потерей, продолжает испытывать что-то к Лазарю?

Жоэлла направилась к двери. На пороге она обернулась.

— Так ты пойдешь?

— Не знаю, — с трудом выдавил из себя Лежанвье, подыскивая слова. — Не... не думаю.

— Почему? Боишься, что он тебя укусит?

Адвокат пожал плечами. С таким же успехом она могла спросить, не боится ли он зайти в клетку к хищнику.

— Нам нечего сказать друг другу, — ответил он.

— Я полагаю, ему есть что сказать... Его прошение о помиловании отклонено. Скоро его казнят.

— Когда?

— На этой неделе.

— Откуда тебе это известно?

— Я навела справки.

— Этого не может быть! — возразил Лежанвье. — Приговоренный к смерти никогда не знает, сколько ему еще остается жить, пока за ним не придут...

— А я знаю. Сегодня среда. Казнь назначена на послезавтра: пятница, пять утра.

По окнам внезапно забарабанил дождь. С минуту, кроме этого стука, ничего не было слышно. Но Жоэлла не отставала:

— Ты пойдешь?

На этот раз уже Лежанвье, не отвечая, принялся отщипывать от булки кусочки. Сердце его колотилось где-то в самом горле. Жоэлла некоторое время наблюдала за отцом, потом неспешно продолжала:

— Само собой, он ненавидит тебя. Ведь его осудили из-за тебя. Однако, как мне кажется, он все еще уважает тебя. «Просто передай ему, что я хочу его видеть, — сказал он мне. — И больше ничего не говори, он наверняка придет!» — Жоэлла запнулась. — Есть и еще кое-что, В. Л. Я тоже прошу тебя пойти...

— Но ведь... от этого никакого проку! Зачем?

Лежанвье считал, что его уже ничто не способно удивить. Оказывается, он ошибался.

— Чтобы ты увидел, как он изменился, — ответила Жоэлла. — Он... он стал стариком.

На следующий день после вынесения приговора Лежанвье произнес перед своими сотрудниками краткую речь. Он оставляет поприще адвоката, закрывает контору, продает дом на авеню Ош и перебирается в «Вязы». Возможно, он будет путешествовать или сядет писать мемуары. Он никогда не забудет, чем обязан Сильвии

и Анри, но обстоятельства вынуждают его с ними расстаться. Да им и самим отныне нет никакого смысла связывать с ним свою судьбу.

Меран громогласно сокрушался, но в общем довольно быстро с этим примирился. При воспоминании о том, как его патрон, стоя за трибуной свидетелей, убеждал присяжных, что его бывший клиент никак не заслуживает оправдания, которого сам же для него и добился, кровь всякий раз прилиwała к щекам Мерана. Как раз такое и называется «выдать профессиональную тайну», так что упреки патрону, высказанные защитником на процессе, и возмущение его коллег по сословию были вполне справедливы. Сказать об этом напрямую Мерану не хватило бы духу, но уже одного того, что на последнем процессе великому Лежанвье пришлось променять почетную скамью представителя защиты на заурядную свидетельскую трибуну, в его глазах было достаточно, чтобы патрон низринулсЯ со своего высокого пьедестала. Экзальтированная натура, Меран готов был сражаться и умирать за исполина духа, но уж никак не за обычного земного человека.

Сильвия Лепаж не сказала ничего — она поспешно вышла из комнаты, чтобы скрыть слезы. Назватра она как ни в чем не бывало продолжала отстукивать на машинке ответы на письма, отвечать на телефонные звонки. Но и письма, и звонки неизбежно становились все более редкими. «Неверный мой Париж...» — думала она, роняя слезы. Тщетно она пыталась затянуть текущие дела, привлечь внимание последних, самых нерешительных клиентов к печальной судьбе своего патрона, «который этого не заслужил». Ее пришлось буквально силой выставлять из особняка на авеню Ош, когда он перешел к новым владельцам, но уже на следующий день она настойчиво нажимала на кнопку звонка у двери «Вязов» — в туго облегающем новом костюме, на высоких шпильках, с портативным «Ремингтоном» в руке и с лицемерным заявлением, что она, дескать, осталась без работы и без сбережений.

— Ладно! — сдался Лежанвье. — Устраивайтесь в голубой комнате. Будете помогать мне писать книгу.

Ту самую книгу, которую он отнюдь не рассчитывал когда-нибудь написать, но подготовка материалов для которой, как он заявил журналистам, займет два-три года; книгу-предлог, которая позволяла ему достойно уйти со сцены.

Так, как пожелала бы Диана.

После разговора с дочерью Лежанвье решил подняться в голубую комнату и посоветоваться с Сильвией.

Слово «посоветоваться» не совсем точно отражало характер их бесед. Он высказывался, она одобряла. И только по тому, насколько горячим бывало в том или ином случае ее неизменное одобрение, он определял, когда она говорит искренне, а когда кривит душой.

— Жозлла просит, чтобы я навестил в тюрьме Лазаря, — хмуро

сообщил он. — Его скоро казнят. Если верить Жоэлле — в пятницу, в пять часов утра. Я не пойду. А вы бы пошли, Сильвия?

Сильвия ответила не сразу:

— Н-нет, я... Не думаю, что мне хватило бы мужества...

Что ж, тоже способ побудить патрона проявить это самое мужество.

ГЛАВА II

После того, что сказала Жоэлла, Лежанвье был готов увидеть Лазаря изменившимся, но не до такой степени.

Виски его поседели, отяжелевший подбородок покрывала пегая щетина, под запавшими глазами набрякли темные мешки, потухший взгляд скользил поверх людей и предметов, ни на чем не останавливаясь. Навстречу адвокату неуверенным шагом двинулся самый настоящий старик. Он грузно уселся напротив Лежанвье, за разделявшей их решеткой, положил на стол локти.

— Хелло, папаша! — (Голос его тоже изменился, стал хриплым и надтреснутым.) — Ну как, здорово я сдал тут, дожидаясь встречи с вечностью, вы не находите? Впрочем, вы тоже не помолодели, обрюзгли, но это все из-за холестерина. Соблюдай вы тот же режим, что и я, режим Санте*, вы тотчас почувствовали бы себя лучше... Что привело вас сюда, папаша? Отецеская любовь или угрызения совести?

Лежанвье попытался было ответить, но не нашел слов, до того поразило его столь резкое изменение в облике Лазаря. Тщетно адвокат призывал на помощь прописные истины, твердя себе, что перед ним закоренелый преступник, который получил отсрочку лишь благодаря тому, что сумел одурачить правосудие; гнусный шантажист, который взял за горло собственного защитника, нацелился на его дочку, похитил у него жену, наконец, обвинил его в убийстве... Лежанвье промолчал.

Превозмогая ноющую боль в боку, он полез в карман, достал оттуда сигареты, отчего-то заколебался.

— Валяйте, папаша, не стесняйтесь! — глумливо проскрипел Лазарь. — Закуривайте свою вонючую «жиган»! Эта вонь напоминает мне доброе старое время, когда вы еще помогали мне, сами не подозревая, что вскоре воткнете мне нож в спину. Заметьте, я вас ни в чем не упрекаю... Я сам кругом виноват, так что мой родитель был прав... «Ты кончишь эшафотом!» — пророчествовал он, охаживая меня ремнем. Впервые я отведал ремня, когда мне не было и пяти лет. Но вот беда: пятилетний пацан не очень-то верит оракулам. А двенадцатилетний — после доброй тысячи взбучек — уже не верит

* Название тюрьмы Санте буквально означает «здоровье».

в справедливость... А какой папаша был у вас, мэтр? Любящий или такой же пророк?

Лежанвье закурил свою «житан» и, уже не церемонясь, разогнал перед собой дым. Ему приходилось встречаться накануне казни с осужденными, которые и впрямь заслуживали снисхождения и сострадания. Они не кривлялись, не пытались подобно Лазарю, выжать у посетителя слезу. Адвокат запоздало подивился тому, что хватило одной фразы, произнесенной почти тоном приказа («Скажи ему, что я хочу его видеть!»), чтобы он пришел сюда. «Приговоренному к смерти не отказывают в последнем свидании, — подумал он, — как не отказывают в последнем стаканчике рома». Жоэлла сообщила ему день и час казни... Пятница, пять утра. День и час, которые от Лазаря милосердно скрыты, о которых он узнает лишь в пятницу на рассвете. Если только...

— Может, все-таки ответите, папаша?.. Я задал вам вопрос: что побудило вас к этому визиту? Отецеская любовь или угрызения совести?.. Не просунете мне окурок? Вот тут, если нагнетесь, найдете дырку... За неимением английских — и звонкой монеты, чтобы их купить, — сойдет и вонючая «житан»: все лучше, чем ничего!

Тут уж Лежанвье не выдержал. Он выплюнул сигарету, раздавил ее каблуком. И так слишком много пришлось делить с этим Лазарем. Начиная с Дианы, чье благоволение Лазарь, видимо, выклянчил, как выклянчивает сейчас окурок — требовательно, как будто ему должны.

О'кей, мэтр! — вздохнул Лазарь. — болтливым вас не назовешь... — Упершись кулаками в стол, он поднялся. — Вы увидели меня, я увидел вас, и баста! Я еще не знаю, когда моя голова слетит с плеч, но ждать осталось недолго... Можете на меня рассчитывать: я вас приглашу. В конце концов, кому, как не мне, раздавать приглашения?

Лежанвье бессильно поднял руку. Не готовый к тому, что встреча так повернется, он с опозданием понял, что Лазарь с неожиданным великодушием отпускает его.

— Минуточку! — поспешно сказал он. — Если верить Жоэлле, вы хотели сообщить мне что-то важное. Что именно?

— Привет-пока, доброго здоровья! — отозвался Лазарь. — Может, мне просто хотелось унести с собой в могилу образ Человека, Воплощающего С собой Правосудие... Бенуа, — он подал знак присутствующему на свидании надзирателю, — прошу вас, отведите меня в мои апартаменты.

Удивленный Бенуа, неспешно приблизился и вопросительно взглянул на адвоката:

— Вы имеете право еще на несколько минут...

— На несколько минут чего? — сорвался на крик Лазарь. — Дружеской беседы? Взаимного доверия? Сердечного обмена любезностями?..

Нервы его сдали. Грубо оттолкнув надзирателя локтем, он уронил голову на стол и зарыдал. Время от времени он кричал, как не кричал даже на процессе:

— Это не я!.. Клянусь вам, это не я! — Его, видно, осенила какая-то мысль, и он поднял лицо, залитое слезами и застывшее в гримасе, как маска театра кабуки. — А может быть, против всякой очевидности, это и не вы, папаша! Но если это так, то вам одному известно, как одному мне известно, что это не я! Предположим, я поверю вам, а вы мне... Если это не вы и не я, то кто-то третий, иначе просто быть не может! Вы следите за моим рассуждением?

Лежанвье в свою очередь подал знак Бенуа, и тот скромно ретировался, взглянув напоследок на свои карманные часы в форме луковицы.

— И кто же, по-вашему?

— У меня не спрашивайте, папаша! Я уже много месяцев задаю себе этот вопрос. По двадцать четыре часа в сутки. Все то время, пока шагаю от окна к двери, пока дрыхну, но долго я никогда не дрыхну... Знаете, что я вам скажу? Все пошло наперекосяк с самого начала! Потому что я, увидев вас в охотничьем домике, решил, что это вы. Потому что вы, памятуя о моем темном прошлом, решили, что это я... А вдруг нас обоих обвели вокруг пальца, заманили в *двойную ловушку*?..

— Прошу прощения, — вмешался Бенуа, — но сейчас и впрямь пора.

— Да, да, — машинально согласился Лежанвье.

Словно налетев лбом на стену, он на время перестал видеть что-либо перед собой.

Двойная ловушка...

Он даже не услышал, как Лазарь, которого уводил Бенуа, на прощанье крикнул:

— Чао!

Лазарь по-прежнему не знал, что его казнят в пятницу на рассвете, и он хорохорился в последний раз.

«А вдруг нас обоих обвели вокруг пальца...»

К выходу Лежанвье добирался долго: ему не хватало дыхания.

Как человеку женатому, Лазарю не было никакого смысла убивать Диану — ведь он так и так не мог жениться на Жозелле. Быть может, в пятницу на рассвете правосудие не свершится? *Быть может, Лазарь заплатит вместо кого-то другого?*

При воспоминании о той поре, когда он листал красную тетрадку в поисках рецепта убийства, Лежанвье пожал плечами. Пускай это будет судебная ошибка, но она лишь восстановит поправленную ранее справедливость. Лежанвье надеялся на это, но верить уже не верил.

«Я не убивал Габри Конти! Я просто возвел на себя поклеп, чтобы взять старика в оборот!»

Звучит довольно фальшиво. Но что, если это правда?

Что, если Лежанвье лишь ввели в заблуждение и два года назад он действительно добился оправдания невиновного?..

— Ну как? — спросила Жоэлла. — Видел его?

— Да, — хмуро ответил Лежанвье.

— Что он тебе сказал?

— Не так уж много. Уверяет, что невиновен. Откуда тебе известно, что казнь состоится в пятницу?

— От его адвоката, мэтра Маршана... Он плакал?

— Да. Но откуда ты знаешь?..

— Он плакал и когда я приходила к нему. Зрелище не из приятных... В. Л., ты по-прежнему его ненавидишь?

— Не знаю, — ответил Лежанвье.

По правде говоря, признался он самому себе, он уже никого не ненавидит — как никого и не любит. Хватило одного года — хоть и не совсем обычного, — чтобы он стал стариком, который лелеет лишь одну зыбкую надежду: в последний раз послужить правосудию.

— И что ты собираешься делать?

— Не знаю, — повторил Лежанвье.

Что можно сделать меньше чем за двое суток до казни, чтобы продлить жалкое существование человека, которого ты сам отправил на эшафот, сфабриковав против него ложные улики?

Прежде всего — найти настоящего убийцу...

ГЛАВА III

После смерти Дианы Билли и Дото почти перестали бывать у Лежанвье. В «Вязах» они показывались всего два или три раза, да и то мимоходом.

Дверь адвокату открыл Билли — в блузе, заляпанной ультрамагрином.

— Какой приятный сюрприз! — воскликнул он с натужной улыбкой. — Да входите же, входите! Простите меня за этот варварский вид, но я иллюстрирую очередной лозунг фирмы «Этернум»: «Линолеум «Этернум»: максимум за минимум». Только не подумайте, что это мое изобретение... Выпьете чего-нибудь? Что-то вид у вас неважный.

— Не забудь, золотко, мы живем на четвертом этаже без лифта! — вставила Дото. — Это и для нас высокогато. Ну а...

Она вовремя удержалась и не добавила «для сердечника», но многоточие само по себе было достаточно красноречиво.

Лежанвье сам скинул с себя пальто, бросил его на спинку ближайшего стула и грузно направился к камину, прекрасно отдавая себе отчет, что хозяева за его спиной обмениваются знаками: Билли, по всей видимости, призывает свою половину одеться поприлич-

ней — розовая нейлоновая комбинация мало что скрывала, — в ответ на что та, вероятно, советует ему заняться собственными делами.

— Говорите, мэтр, излейте душу, если есть такая потребность! — без особой убежденности предложил Билли. — Вы здесь у друзей.

А вот Дото, насколько Лежанвье мог судить по ее отражению в зеркале напротив, заметно нервничала.

— Извините меня! — бросила она, поворачиваясь. — Только накинута пенюар и сразу приду.

Тем временем Билли открыл бар и приготовил выпивку. Лежанвье рассеянно взял поданный ему бокал и поставил на камин, не пригубив.

— Сегодня я навещал Лазаря. По просьбе Жоэллы. Он здорово изменился. Вы его, наверное, и не узнали бы. — (Это было совсем не то, что он хотел сказать.) — Его... его должны казнить послезавтра, в пятницу, в пять утра.

— В пятницу, да еще тринадцатого числа, — глупо заметил Билли, ничего лучше не придумав.

Лежанвье упорно смотрел в зеркало.

— Он по-прежнему настаивает на своей невинности, утверждает, что Диану убил кто-то другой, и, боюсь, что он действительно невинен...

Позади гулко хлопнула дверь.

— Как бы это он ухитрился? — Дото, всегда такая кроткая, вдруг выпустила когти. — Ведь не станете же вы... Он один — если не считать вас — имел всекие основания ухлопать Диану...

Лежанвье взял свой бокал и некоторое время печально его разглядывал, прежде чем поднес ко рту.

— В том-то и дело, что у него их быть не могло! Диана давала ему гораздо больше, чем я сам. Будучи женат, он никак не мог жениться на Жоэлле. Так что... Кто же будет убивать курицу, которая несет золотые яйца, как сказал мне Лазарь и как наверняка сказал бы Билли.

Но Билли явно был против того, чтобы его призывали в свидетели.

— Да не терзайтесь вы так, дорогой мэтр!.. Предположим на секунду — исключительно чтобы поддержать разговор, — что Лазарь пал жертвой судебной ошибки... Хотя это, заметьте, трудно допустить после того, как вы сами доказали его виновность... И даже в случае, если в пятницу утром он заплатит не за это убийство, так за другое, в котором он сам вам признался: за убийство Габи Конти... Одна судебная ошибка исправляет другую.

— Сегодня Лазарь утверждал, что не убивал и Габи Конти, — ответил Лежанвье, попутно отметив про себя, что Билли привел его собственный довод.

— Да господа, представьте себя на его месте... Еще стаканчик?

— Спасибо, да. Кого вы, собственно, покрываете?

И у Билли, и у Дото кровь одновременно отхлынула от щек.

— Я... я не понимаю! — пробормотал Билли.

— Я тоже! — вскинулась Дото. — Сами пришли тут и...

Лежанвье перебил ее, покачав головой:

— Я неудачно выразился. Что вы оба знаете и не хотите сказать?

— Ничего! — вмиг откликнулся Билли. — Даю слово!

— Пожалуйста, вспомните, что в тот день я ездила с вами в Париж и в «Вязы» мы вернулись вместе... — (Дото.)

— Верно. В семь часов. Но...

— Но что?

— Ничего, — задумчиво протянул Лежанвье. — Ничего. Я спрашиваю себя...

— В общем, только вы и говорите: сами задаете вопросы и сами же на них отвечаете! — (Снова Дото. Ее было не узнать — словно с цепи сорвалась.) — А я-то считала вас настоящим другом. Одно из двух!.. Или этот поганный рецидивист Лазарь навел на вас порчу... или же ваша неумеренная любовь к справедливости медленно, но верно сводит вас с ума!.. Мы с Билли все выложили на суде, под присягой... Напоминаю: под присягой! Что вы хотите услышать еще? Или вы думаете, что мы так и утремся? Что Билли побоится выставить вас за дверь?

Лежанвье и глазом не моргнул. Два супружества — и бесчисленные предшествующие приключения — сделали его неуязвимым для подобных вспышек.

— Я только спрашивал себя... — начал он.

— О чем? — не выдержал Билли.

— Какая причина побудила вас в день убийства отложить работу над афишей и помчаться в парк? — невозмутимо закончил Лежанвье.

— Ну, ведь я... Я, кажется, уже объяснил!.. — пробормотал Билли. — Я почувствовал, что устал... мне просто-напросто захотелось подышать воздухом... пособирать грибы.

— Вы не любите грибы.

— Их любит Дото. Их любила Диана.

— Понимаю, — сказал Лежанвье. — Я очень хорошо понимаю.

— Что именно вы понимаете, адвокат? — (Дото.)

— Многое. Всякие мелочи, на которые начинаешь обращать внимание только по прошествии времени, — ответил Лежанвье. — Любой мужчина, умудренный житейским опытом, рано или поздно проникается уверенностью, что он знает свою жену и своих друзей... Если впоследствии он обнаруживает, что жена водила его за нос, то у него неизбежно закрадываются сомнения и в друзьях. Обычная цепная реакция... И он ищет правды...

— Какой п-правды? — (Билли.)

Лежанвье неторопливо осушил свой бокал, повернул его так, чтобы увидеть в нем отражение Дото.

— Простите, моя дорогая. Я бы хотел поговорить с вашим мужем наедине.

— Еще чего! — фыркнула Дото. — Просите меня о чем угодно, но только не об этом! — Она плюхнулась в кресло, закинула ногу на ногу. — Ну-ну, давайте выкладывайте вашу очередную гениальную догадку, мэтр! Пока мы остановились на главе, в которой несчастный-вдовец-жаждущий-чтобы-свершилось-правосудие, отправив на эшафот презренного-любовника-своей-недостойной-половины, терзается запоздалыми угрызениями совести и пытается, бог знает почему, спасти осужденного от гильотины... Поправьте меня, если я ошибаюсь!

Лежанвье выразительно посмотрел на Билли, и тот потупился.

— Хватит, лапушка. Оставь нас. Это я тебя прошу.

Дото вмиг оказалась на ногах, словно ее подбросило пружиной.

— Да ты что, рехнулся?

— Хватит! — повторил Билли. — Топай отсюда! Нагреешь мне место в постели.

— Да ведь он тебя сожрет! — не унималась Дото.

— Между нами говоря, — начал Лежанвье, после того, как она наконец ушла, — *когда вы впервые переспали с Дианой?* — Он поднял руку, заранее отменяя возможные возражения. — То, как вы вились около нее, ничем иным не объяснишь. Заметьте, я мог бы нанять частного сыщика, чтобы он покопался в вашем прошлом, но мне претят подобные приемы. Мы только выиграем время, если вы ответите мне со всей откровенностью... И ревности во мне давно уже нет, — добавил он на всякий случай.

Прежде чем ответить, Билли сходил к бару и вернулся оттуда со стаканом виски, по дну которого перекатывались кубики льда.

— Давно, — признался он. — Раньше, чем она вышла за вас замуж, раньше, чем женился на Дото. Я... похоже, я был у нее первый.

— Почему же в таком случае вы на ней не женились?

— Я... я был не совсем в ее вкусе и зарабатывал в ту пору жалкие гроши. Много лет после этого мы не виделись, и только случай свел нас назадолго до того, как она стала госпожой Лежанвье...

— После чего вы снова с ней переспали?

— Нет, даю слово! Она этого не хотела...

— Тогда как вы, конечно, к этому стремились?

— О господи, мэтр. Да тут как ни ответь — вы все равно обидитесь.

— И вы продолжали за ней ухаживать?

— Я... я продолжал питать к ней глубокую привязанность.

— Более глубокую, чем к своей жене?

— Ну, это было не одно и то же...

— Это всегда не одно и то же... Вы, разумеется, раньше меня узнали, что она спит с Лазарем?

— Д-да.

— И возненавидели ее?

— Н-н-нет, я... я пытался воззвать к ее благоразумию, всячески убеждал ее в том, что этот тип недостойн ее, но...

— Но?

— Он околдовал ее.

— Дото знает, что вы с Дианой...

— О боже, конечно, нет! — Билли посмотрел на адвоката так пристально, словно обнаружил перед собой совершенно незнакомое лицо. — Надеюсь, вы не скажете ей? Она способна на все...

— Нет, — заверил его Лежанвье. — Молите господа, чтобы она не подслушивала под дверью.

«Как все сразу становится ясно, когда узнаешь, что ты рогоносец... Все недомолвки, намеки, недоразумения... И тебе уже недостаточно задаваться вопросом, сколько раз это было, ты начинаешь подозревать своих лучших друзей... Может, и Меран тоже, кто знает? И Арну, и Соваж? Стоит только подумать об этом, как все мужчины, которые вращаются в сфере притяжения одной и той же красивой женщины, образуют большую семью, подобно тем крохотным птичкам, которые пьют нектар из одного и того же цветка...

Но сегодня все это уже не имеет никакого значения. Главное — не дать отвлечь себя от цели».

— Вы знали, что в день убийства Лазарь с Дианой должны были встретиться?

— Нет. Откуда, по-вашему...

— Давайте вспомним показания Лазаря на процессе. У них было назначено свидание в загородном ресторанчике неподалеку от «Вязов», в «Ивняке». Лазарь напрасно прождал там Диану до вечера.

— Это *он* так говорит!

— Нет, — заявил Лежанвье, сжигая свои корабли. — Я собственными глазами видел записку, бесспорно написанную рукою Дианы, где она назначала время: четыре часа. Записку, которую я уничтожил, как...

— Как что? — живо заинтересовался Билли.

— Как уничтожил или сфальсифицировал другие улики, — безмятежно закончил Лежанвье. — Говорящие в пользу Лазаря.

Билли утер ладонью взмокший лоб. Быть может, правильнее было бы все отрицать, до конца стоять на том, что между ним и Дианой никогда не было никаких иных отношений, кроме дружеских? Нет, раз уж Лежанвье их заподозрил, то он докопался бы до истины в течение двадцати четырех часов... Но накануне казни и двадцать четыре часа идут в счет!

— Как бы там ни было, а правила игры Лазарю известны! —

настаивал Лежанвье. — Если бы он был убийцей, то в первую очередь позаботился бы о том, чтобы обеспечить себе алиби, каким бы шатким оно ни выглядело... Удивительно, что защита не сосредоточила на этом внимание, но в конце концов, Маршан еще сосунок.

— Лазарь не мог предвидеть, что он поссорится с Дианой, что все это примет такой плохой оборот! — с горячностью возразил Билли. — Он же не сверхчеловек!

Лежанвье устался в пол. *Не дать отвлечь себя от цели...*

— Если Диана не пошла в «Ивняк», как первоначально намеревалась, о чем свидетельствует собственноручно написанная ею записка, то, значит, ее задержало в «Вязах» нечто непредвиденное... а в тот день с ней там были только вы! Предположим, вы в очередной раз попытались «воззвать к ее благоразумию» — я пользуюсь вашим собственным выражением. Предположим, для этого вы прибегли к аргументам... силового характера. Предположим, это вам она угрожала своим «Лилипутом» — не для того, чтобы защитить свою честь, а чтобы сохранить за собой свободу вести себя, как ей нравится. Предположим, вы выстрелили в нее раньше, чем на месте оказались я и Лазарь... Предположим, вы отправились по грибы уже *после убийства...*

Билли, мертвенно-бледный, осушил свой стакан, снова его наполнил.

— Вы забываете одну маленькую деталь, мэтр! Когда раздались эти три выстрела, я находился примерно в полутора-двух метрах от домика...

— Я ничего не забываю, — ответил Лежанвье. — Дело в том, что эти выстрелы — два, а не три — произвел я.

— Чтобы свершилось правосудие?

— Именно, — отрезал Лежанвье. Он направился к двери, но на пороге обернулся. — И вот что, *господин Билли!* Зарубите себе на носу: или я сам сдохну послезавтра в пять утра, или правосудие в конце концов свершится.

ГЛАВА IV

— Вам назначено? — осведомилась секретарша, миловидная блондинка, щедро демонстрируя свои чересчур мускулистые ноги.

— Нет.

— В таком случае я сомневаюсь, что мэтр Маршан сможет вас принять.

— Дело не терпит отлагательства. Я все утро безуспешно пытался связаться с ним по телефону.

— Мэтр был в отъезде. Кто вам ответил?

— Какая разница? Некая госпожа Марси или Мерсье...

— Моя коллега. — Блондинка посмотрела внушительный еже-

дневник, перебрала несколько лежавших на столе листков. — Я не нахожу никаких следов этих переговоров... Как, вы сказали, вас зовут?

— Лежанвье, — ответил Лежанвье, который уже начинал терять терпение. Он чуть было не добавил: «Великий Лежанвье», но ограничился тем, что пожал плечами. — Присмотритесь ко мне получше, юное создание. Неужели вы меня раньше никогда не видели? Ну что, узнаете?

— Ну как же... — пробормотала блондинка, явно опасаясь допустить промах. — Войдите, пожалуйста, сюда, в эту маленькую гостиную. Присаживайтесь и подождите немного. Я схожу узнаю, сможет ли мэтр Маршан уделить вам несколько минут.

«Один год!» — с горечью подумал Лежанвье, оставшись в одиночестве. Хватило года добровольной отставки, чтобы его перестали помнить, чтобы он стал рядовым посетителем, как все, которого просят присесть и подождать. Придвигая к себе стул и грузно на него опускаясь, он вдруг испытал пронзительное ощущение, будто его вычеркнули из списка живых одновременно с Лазарем, приговор которому означал приговор и ему самому.

Дверь в гостиную отворилась.

— Мэтр Маршан примет вас в четыре часа, мэтр Лежанвье... А до тех пор, если у вас есть другие дела...

Другие дела!

Стул отлетел в сторону, и адвокат, огромный и бледный, похожий на робота, устрашающе выпрямился.

— Посторонитесь, девушка! Дорогу я знаю.

— Но... но это невозможно! Его ждут еще во многих местах!

— Невозможно, говорите?

— Что такое? — возмутился мэтр Маршан, когда тяжелая дверь распахнулась, пропуская в его кабинет Лежанвье. — Что еще за новости?

Дама зрелого возраста, которой пришлось прервать свои сетования, из-под поднятой на брови вуалетки уставилась на пришельца с тем же негодованием, но оказалось, что инцидент далеко не исчерпан.

Лежанвье направился напрямик к даме и кратко, но повелительно указал ей на дверь:

— Оставьте нас, мадам, прошу вас. Придете в другой день. Завтра или послезавтра. Для вас время не имеет такой цены. Благодарю вас.

— Это... это неслыхано! — закудахтала дама. — Кто вы такой? Что вам угодно? По какому праву вы осмеливаетесь врываться к нам и... и...

Но Лежанвье не слушал ее, перенеся все внимание на Маршана.

— Я считаю, что Лазарь невиновен. Нам остается всего лишь

несколько часов, чтобы добиться отсрочки казни, которая, как вам известно лучше меня, назначена на завтра, на пять утра... В высших интересах вашего клиента сообразованно отправить эту даму и отложить все ближайшие встречи.

Мэтр Маршан, высокий и худой, с хмурым и недоверчивым выражением лица, по-совиному заморгал глазами под стеклами очков с двойными линзами.

— Послушайте, мэтр!.. Несмотря на все уважение, что я питаю к вам как к старшему...

— Оставьте свое уважение, Маршан, и отпустите своих клиентов. Дорога каждая минута.

Лежанвье, в эту исключительную минуту вновь ставший Великим Лежанвье, изъяснялся с такой властью, что зрелая дама, оторопев, шмыгнула в дверь, прикрывая лицо сумочкой, как щитом.

— Поторопитесь распорядиться! — не отставал Лежанвье, видя, что Маршан все еще колеблется. — Дорога каждая минута.

— Гм-м! — с сомнением хмыкнул адвокат защиты после того, как Лежанвье закончил свое ошеломительное признание. — Короче говоря, вы признаете себя виновным в лжесвидетельстве, на основании которого мой клиент был приговорен к смертной казни?

— Совершенно верно. Я знал — или, во всяком случае, полагал, — что Лазарь виновен в одном убийстве, в котором его благодаря мне оправдали. Из элементарного стремления к справедливости я решил, что он должен заплатить за другое, в котором он, кстати, пытался обвинить меня самого. Мысль о том, что совершить это убийство мог кто-то третий — и ускользнуть от правосудия, — пришла мне в голову гораздо позже. Быть может, слишком поздно...

Мэтр Маршан машинально пододвинул к своему посетителю коробку гаванских сигар.

— Я понимаю, но обычно вы соображаете быстрее... Печальный конец госпожи Лежанвье, арест и осуждение моего клиента — все это события далеко не вчерашнего дня... Как получилось, что вы не испытывали ни малейших угрызений совести на процессе и спохватились только сейчас, накануне казни?..

Лежанвье сотни раз задавал себе этот вопрос. Как объяснить Маршану, что после вынесения приговора он словно провалился в яму, такую глубокую, что из нее уже не выбраться, и отлеживался там подобно раненому зверю?

— На процессе меня ослепила страсть. Лазарь действительно появился в домике после меня, но тогда я был уверен, что он подстроил мне западню... Теперь я вижу, что он такой же убийца Дианы, как и я сам...

— Это всего лишь субъективное предположение, основанное на вашей впечатлительности и чрезмерных угрызениях совести! —

возразил Маршан. — Когда вашим глазам предстало неожиданное зрелище — мертвая госпожа Лежанье, Лазарь и в самом деле предпринял последнюю попытку шантажа... То, что вы дважды выстрелили в окно домика, чтобы поднять тревогу, по существу, ничего не меняет.

— Прошу прощения! Я ведь еще вложил револьвер Дианы в руку бесчувственного Лазаря, позаботившись о том, чтобы на рукоятке отпечатались его пальцы...

— А откуда известно, что на этом револьвере еще раньше, когда он валялся на полу, *не было* отпечатков пальцев Лазаря?

— Будь Лазарь настоящим убийцей, он не бросил бы оружие или, во всяком случае, тщательно его бы вытер...

— А откуда известно, что он этого не сделал и вы интуитивно не восстановили статус-кво? Да полно, мэтр! Вы только представьте себе, что было бы, если бы приходилось пересматривать дело всякий раз, когда одного из свидетелей начинали одолевать запоздалые угрызения совести!

— Я не просто один из свидетелей, и вам это прекрасно известно. Я лжесвидетель, намеренно извративший истину, чтобы отправить подсудимого на эшафот!

Маршан покачал головой:

— Но неспособный существенно изменить ход событий, дорогой мэтр! Лазарь, уж простите меня, был любовником госпожи Лежанье, и я, по правде говоря, удивлен что вы так благодушно к нему настроены! Как явствует из записки, которую показал вам Лазарь, в тот день они с вашей женой встречались. Госпожа Лежанье, по всей видимости, пригрозила любовнику револьвером. Лазарь вырвал оружие из ее рук и то ли нечаянно, то ли, скорее всего, сознательно выстрелил в нее... Кто убил однажды, будет убивать и дальше...

Лежанье провел ладонью по лбу.

Кто теперь защищает Лазаря? *Защита или обвинение?*

— Иными словами, с учетом моего почтенного возраста и запоздалых рефлексов вы полагаете, что я плету вздор?

— Ни в коем случае, дорогой мэтр! Подобный поступок делает вам честь, и я весьма признателен вам за... — Маршан поднял сухую епископическую ладошку. — Я только опасаюсь, что предотвратить печальный исход мы не в состоянии.

— Попытаться спасти человека от смерти никогда не поздно.

— Но у нас так мало времени...

— Тем более следует поторопиться.

Под пристальным взглядом Лежанье Маршан смешался. За кого старикан его принимает? За человека, боящегося сложностей, покорно мирящегося с тем, что дело проиграно? Он пошел на попятный:

— Только не поймите меня превратно, мэтр! Само собой

разумеется, я целиком и полностью предан интересам моего клиента. Просто из уважения к вам я счел себя обязанным высказать возражения — те же, что приведет генеральный прокурор Кассационного суда... Ну и вы, конечно, понимаете, что подобный демарш для вас равносителен моральному самоубийству?

Лежанвье утвердительно кивнул. Это самоубийство так и так будет уже не первым...

— И что, помимо прочего, вы рискуете и тем, что вам предъявят обвинение в лжесвидетельстве, а может быть, и в...

— Понимаю.

— В таком случае — что ж... — вздохнул Маршан, давая понять, что исчерпал аргументы, и нажал на клавишу переговорного устройства. — Клара? Позвоните генеральному прокурору Кассационного суда. Если он ответит, соедините его со мной. Если его не окажется на месте, узнайте час и место, гдѣ я могу с ним встретиться. И поторопитесь, речь идет о деле чрезвычайной срочности...

— О жизни и смерти, — подсказал Лежанвье.

— О жизни и смерти, — послушно повторил Маршан.

Двое мужчин молча ждали, пока из интерфона не прозвучал вызов.

— Да, — ответил Маршан. — Вот как? Надеюсь, вы были настойчивы?... Так... Прокурора нет на месте, — сказал он Лежанвье. — Его секретарша не знает, где его искать. Ей он сказал, чтобы она не ждала его, если к шести часам он не вернется. Она предполагает, что он собрался ужинать у друзей. Что будем делать?

Такого поворота Лежанвье не ждал. Ему придется бороться еще и с невезением... Он ослабил узел галстука, и в этот миг острая боль, словно кинжалом, полоснула его грудь.

— Вызовите сюда вашу крашенную блондинку, — хрипло проговорил он. — Пусть она запротоколирует мои показания... А потом мы отправимся к прокурору домой и будем ждать его столько, сколько понадобится... *Я, нижеподписавшийся, — диктовал он минуту спустя, съевшись в своем кресле, — Лежанвье Вернер Лионель, родившийся в Кагоре первого января одна тысяча девятьсот восьмого года, адвокат, свидетель обвинения по делу Лежанвье — Лазаря, перед свидетелями со всей ответственностью заявляю...*

Телефон зазвонил, когда Жоэлла уже собиралась уходить. Швырнув свою куртку с капюшоном на стул, она сняла трубку.

— Да?

Это оказался мэтр Маршан. Он заклинал ее не волноваться, но был вынужден сообщить ей плохую вѣсть:

— Мэтр Лежанвье...

«Это должно было случиться!» — думала Жоэлла, молча слушая адвоката. И все же теперь, когда это случилось, она испытала

болезненное чувство потери. В. Л., хоть и не признавался в этом самому себе, уже год как боролся со смертью. Но почему у него не нашлось сил побороться еще несколько часов?

— Я еду! — бросила она напоследок.

Пять минут спустя она уже сидела за рулем «мерседеса».

У двери стояла машина «скорой помощи», и в кабинете мэтра Маршана пахло катастрофой. Мадемуазель Клара в панике бестолково металась из комнаты в комнату. Двое санитаров в белых халатах готовились поднять носилки, на которых неподвижно покоилось тело мэтра Лежанвье. Всем распоряжался лысый, болезненного вида доктор, приехавший по срочному вызову.

— Скажите... он еще дышит? — спросила Жоэлла.

— Да, — буркнул доктор. — Как рыба, вытащенная из воды. Вы его дочь?

Жоэлла, не ответив, склонилась над носилками.

— В. Л.! Ты меня слышишь?

Лежанвье шевельнул веками, но тут вмешался доктор:

— Попозже, мадемуазель! Мы будем делать все возможное, но... Несите осторожно! — повернулся он к санитарам. — Малейшее сотрясение может оказаться для него губительным. Идите на цыпочках.

Жоэлла без сил рухнула в кресло — может, у нее тоже больное сердце? — и закурила сигарету.

— Как это произошло?

— Он начал диктовать показания моей секретарше, — объяснил Маршан, тщательно подбирая слова. — Она печатала на машинке. Вот...

— «Я, нижеподписавшийся, — прочитала вслух Жоэлла, — Лежанвье Вернер Лионель, родившийся в Кагоре первого января одна тысяча девятьсот восьмого года, адвокат, свидетель обвинения по делу Лежанвье — Лазаря, перед свидетелями со всей ответственностью заявляю...» И это все? — разочарованно спросила она.

— Да, это все, — подтвердил Маршан. — Диктуя, он морщился от боли, и приступ свалил его прежде, чем он закончил фразу.

— Но вам известно, что он хотел сказать?

Адвокат утвердительно кивнул.

— Он рассказал мне о трагическом конце госпожи Лежанвье, собирался опровергнуть свои показания на суде. По его словам, он дважды выстрелил в окно домика, чтобы ввести следствие в заблуждение относительно времени убийства, и вложил оружие, из которого была убита ваша мачеха, в руку бесчувственному Лазарю. Сейчас он хотел как можно быстрее сообщить об этом прокурору Кассационного суда, чтобы тот потребовал отложить казнь приговоренного. Похоже, он подозревает в убийстве некое третье лицо...

Жоэлла нервно раздавила сигарету в пепельнице.

— И кого же по-вашему?.. Старину Билли? А может, меня?.. Ведь кроме Дианы, в тот день в «Вязах» никого больше не было!

Маршан развел руками. Он так не любил сложностей, и вот на тебе...

Достав из кармана куртки еще сигарету, Жоэлла принялась вертеть ее в пальцах.

— Как добиться отсрочки?

— Ну... вообще на отсрочку идут чрезвычайно редко... Тут необходимо внушить генеральному прокурору Кассационного суда серьезные сомнения в том, что соблюдены все формальности, или представить ему новые важные улики по делу, и, если удастся его убедить, он ходатайствует перед министром юстиции, который и принимает окончательное решение...

— Что вы собираетесь предпринять?

— Постараюсь как можно скорее связаться с генеральным прокурором — хотя никто не знает, где его искать, а вернется он поздно — и передать ему признания мэтра Лежанвье. Очень жаль, что приступ помешал вашему отцу закончить показания. Ведь адвоката защиты непременно заподозрят в том, что он истолковывает все сказанное в пользу своего клиента...

— Понимаю... — задумчиво протянула Жоэлла. — Вы позволите мне сопровождать вас к прокурору?

— Ну разумеется, — согласился Маршан. — Но ваш отец... Уже вы меня простите, но жить ему осталось, похоже, считанные часы...

— Лазарю тоже осталось жить считанные часы, — напомнила Жоэлла. — Так вы идете?

Генеральный прокурор Кассационного суда вернулся домой лишь в половине двенадцатого ночи и совершенно не в духе. Он наверняка выставил бы Маршана, если бы не Жоэлла, которая наотрез отказалась уходить.

— Ладно, — со вздохом сдался генеральный прокурор. — Я слушаю вас.

Когда Жоэлла умолкла — говорила преимущественно она, — он показывал седой головой.

— Сожалею, но я не вижу в этом ничего из ряда вон выходящего. Если бы мы пересматривали дело всякий раз, когда один из свидетелей начинал терзаться запоздалыми угрызениями совести!.. — (Маршан, польщенный, мысленно заплодировал генеральному прокурору, почти дословно повторившему его собственный довод.) — Мадемуазель, я не верю в судебные ошибки. Конечно, бывает, что эксперты ошибаются, что свидетели противоречат друг другу, но это ничего не меняет в существе дела, поскольку истина порождена ошибками нашей несовершенной жизни... Вы сказали, что мэтр Лежанвье продиктовал свои показания. Они у вас с собой?

Маршан с сокрушенным видом протянул генеральному прокурору почти чистый листок.

— Мэтр Лежанвье — сердечник. После первых же слов его, к несчастью, свалил приступ...

— М-да, не густо... — отозвался о прочитанном генеральный прокурор, поглаживая холеной рукой бородку. — Между нами говоря, мэтр Маршан, вы поручились бы за искренность мэтра Лежанвье?

Подобного вопроса Маршан опасался с самого начала и потому в замешательстве заерзал в кресле. Но ведь, в конце концов, он защитник! Кто упрекнет его в том, что он до последнего мига пытался спасти своего клиента?

— Мэтр Лежанвье поклялся мне своей честью, что считает Лазаря невиновным. Он...

— Вы ведь знаете папу... — неосторожно вставила Жоэлла.

Нахмурившись, генеральный прокурор жестом остановил обеих.

— На процессе Лежанвье тоже клялся своей честью, что считает Лазаря убийцей...

«Вот и все, конец», — подумала Жоэлла. Она сделала все, что могла, даже больше. Дело проиграно.

Но она ошибалась.

Генеральный прокурор, разглядывая свои холеные руки, размышлял.

— Не скрою, я настроен скептически, — наконец вымолвил он. Для меня *Лазарь убийца, потому что другого убийцы не может быть*, не считая мэтра Лежанвье, который уже давно бы в этом исповедовался. И все же...

Отбросив колебания, генеральный прокурор снял трубку телефона и набрал номер.

— Я звоню министру юстиции, — пояснил он, гордый собственным великодушием.

Министра дома не оказалось. Он улетел на Корсику вручать ленту командора ордена Почетного легиона генеральному прокурору Бастии.

«Ну вот, теперь уже действительно все», — подумала Жоэлла. И снова ошиблась.

Генеральный прокурор уже звонил по междугородной:

— Дайте мне отель «Иль-де-Ботэ» в Бастии... Номер тридцать девять... Срочно...

Пробило полночь. Четверть часа спустя телефон зазвонил.

— Что?! — вскричал генеральный прокурор. — Невероятно, неслыханно! Повреждение линии из-за шторма в Средиземном море... — с нескрываемой досадой объяснил он Жоэлле и мэтру Маршану. — Бастия не отвечает.

— Пошлите телеграмму, — посоветовал мэтр Маршан.

Но генеральный прокурор, не дожидаясь подсказки, уже набирал другой номер.

— Министру юстиции отель «Иль-де-Ботэ Бастия,— минуту спустя диктовал он в трубку.— Маршан адвокат защиты по делу Лазаря — Лежанвье передал мне показания находящегося при смерти мэтра Лежанвье точка Лежанвье якобы сфальсифицировал улики против подсудимого, чем добился его несправедливого осуждения точка Возможна судебная ошибка точка Защита настаивает на отсрочке казни точка У меня возражений нет точка Казнь Лежанвье назначена на пять утра сегодня...

ГЛАВА V

— Ты спишь? — спросил Билли.

— Нет, а ты?

— И я не сплю.

— Который час?

— Примерно половина второго... Хлопнем по стаканчику?

— М-м-м... Думаешь, это поможет уснуть?

Билли включил свет. Глаза его заблестели.

— Если требуется уснуть, то я знаю средство получше...

Вмиг стащив с Дото одеяло, он уже потянулся к ней, но она сердито оттолкнула его:

— Только не сегодня, милый!.. Я не смогу...

— Почему?

— Как будто ты не знаешь...

— Что ты имеешь в виду?.. Постой-ка, ты случайно не о Лазаре?

В таком случае напомню тебе, что субчик вполне заслужил то, что его ждет. Сначала Габи Контти, потом Диана... По справедливости ему должны были отрубить голову дважды...

— Билли! Как ты можешь!.. Ведь мы знали этого человека, общались с ним, относились к нему с симпатией...

— Пардон! Ты — может быть, но не я!.. Стоит мне только подумать, что Диана... Эй, чего ты на меня уставилась?

Дото отвела взгляд.

— Нет-нет, ничего, дорогой! Ничего! — («Хоть бы он никогда не догадался, что я знаю! — подумала она. — Что я с самого начала знала!») — Налей мне чего-нибудь? Только покрепче!

«Худшее осталось позади», — продолжала думать она. Стиснуть зубы, играть в неведение, не разговаривать во сне — и вскоре она вновь обретет «своего» Билли, заставит его напрочь забыть Диану, эту шлюху...

Когда Билли накидывал на плечи халат, внизу зазвонил телефон.

— Не бери трубку! — импульсивно воскликнула Дото, ошупью разыскивая свой пеньюар. — Пускай себе звонит! В такое время людей не беспокоят!

— А если это что-то важное? — возразил Билли. — Возьми

«Чинзано» — тамошние парни вообще никогда не спят! Лежи, только накройся, я принесу тебе зелья.

Однако пять минут спустя он поднялся с пустыми руками.

— Кто это был? — сонно спросила Дото.

— Медсестра из клиники Сент-Барб, — кратко ответил Билли, ища туфли. (Туфли он надевал всегда прежде любой другой части костюма.) — Вечером туда привезли с сердечным приступом Лежанвье. Он зовет меня к своему изголовью.

— Но зачем? Для чего? — простила Дото. — Ведь ты не врач, чем ты ему поможешь?

— Вылазь-ка из-под одеяла! — вместо ответа скомандовал Билли. — И возболтай мне стаканчик коктейля! Да поживее!

Жан Паскаль-Порта проснулся не сразу. Стрелки на люминесцентном циферблате его дорожного будильника показывали четверть третьего. Телефон звонил без устали.

— Да, — буркнул он. — Что случилось?

— Телеграмма по телефону для министра юстиции.

Свободной рукой Паскаль-Порта щелкнул зажигалкой и закурил «Кэмел».

— Давайте, я слушаю... — Но после первых же слов поправился: — Пожалуйста, начните сначала... Я записываю...

«Ну и повезло же мне!» — подумал он, повесив трубку.

Министр юстиции, его опекун и патрон, принял приглашение провести вечер — и ночь — у генерального прокурора в Кардо. В этой глуши не было даже телефона...

Предстояло будить шофера-корсиканца, выгонять корсиканскую машину в ночь на корсиканскую дорогу с корсиканскими поворотами.

«Не знаю, смогу ли я спасти жизнь тому парню, — думал он, повоенному быстро одеваясь, — зато своей придется рисковать, это уж точно!»

Билли Гамбургу так и не удалось увидеть Лежанвье — тот лежал под кислородным тентом. Но волю больного передала дежурившая в коридоре бдительная медсестра.

Мэтр Лежанвье пожелал, чтобы господин Гамбург до пяти часов утра подъехал на бульвар Араго и немедленно сообщил ему — по телефону или иным способом, — отложена ли казнь некоего Лазарю...

— Между нами говоря, мне кажется, ложь во спасение пошла бы ему на пользу, — понизив голос, закончила медсестра. — Похоже, он очень привязан к этому Лазарю.

Как ни давил шофер на педаль акселератора всякий раз, когда считал, что может сделать это без риска оставить своих детей сиротами, все равно было уже больше половины четвертого, когда

автомобиль под проливным дождем добрался до Кардо.

Дом генерального прокурора высился темной громадой, не отыскать было даже входную дверь. Пришлось сигналить добрых десять минут, прежде чем где-то под крышей открылось окно.

— Что такое? Кто там?

Паскалю-Порта пришлось пуститься в долгие объяснения. Его зовут Жан Паскаль-Порта, он секретарь — и к тому же воспитанник министра юстиции и привез ему срочное сообщение, от которого зависит жизнь человека...

— Хорошо, ждите! Тино спустится...

Злой как черт. «Старикан был злой как черт!» — рассказывал потом Жан Паскаль-Порта своей молодой жене, Маитэ Паскаль-Порта. И все же следует отдать министру должное: он выслушал посланца не перебивая, внимательно прочел — и перечел — продиктованную по телефону телеграмму.

— Очередная судебная ошибка?

— Выходит так, мсье...

— Ну а вы этому верите?

— Даже не знаю.

— Который час?

— Скоро четыре, мсье.

Министр юстиции в третий раз, морщась, перечитал послание, нацарапанное на клочке бумаги, и Паскаль-Порта подумал, что, будь телеграмма на официальном бланке, она произвела бы на него более сильное впечатление.

— Так, ладно. Который час?

— По-моему, я уже говорил, мсье. Скоро четыре.

— А казнь назначена на...

— На пять часов, мсье.

— Если бы перед вами стоял выбор, Порта, что бы вы предпочли: приговорить невиновного или отпустить на волю преступника?

— Отпустить на волю десять преступников, мсье.

— Кто привез вас сюда?

— Некто Сандрини, сыродел.

— Он еще здесь?

— Да, мсье. Должно быть, пьет бренду*.

— Сколько ему понадобилось времени, чтобы добраться сюда?

— Минут пятьдесят.

— Вниз он, должно быть, съедет быстрее?

— Видимо, да.

— Из Бастии я позвоню, — вслух размышлял министр, — или же дам радиogramму... однако, боюсь, будет уже слишком поздно.

Сандрини, узнав, что речь идет о спасении жизни осужденного,

* Бранда — корсиканская виноградная водка.

кстати вспомнил, что его зятю Пьетро тоже пришлось расплачиваться за другого, и гнал вовсю.

Дорогу он знает, как свои пять пальцев. Господа могут ему довериться. Он домчит их за полчаса. Слово Сандрини.

Не вписавшись в последний поворот, автомобиль мягко опрокинулся в кювет.

Со дня вынесения приговора Лазаря каждую вторую ночь терзал один и тот же кошмар...

Его вырывали из забытья удары молота. В камеру вползал грязно-серый рассвет.

Перед ним строго и торжественно стояли мужчины в черном. Один из них, восково-бледный, был в куртке; второй — в одеянии священника; у третьего, с румяным лицом, был твердый целлюлозный воротничок; четвертый походил на мэтра Маршана, его адвоката, но словно съезжился до неузнаваемости — этакий Маршан-пигмей...

Один из вошедших, худющий — кожа да кости, — официально-безразличным тоном провозглашал: «Ваше прошение о помиловании отклонено...»

Священник говорил: «Мужайтесь, сын мой...»

Человек с румянцем, отвернувшись, извлекал из продолговатого черного ящика лязгающие инструменты: ножницы, машинку для стрижки волос. Потом он молвил: «Час настал...», и последний удар молота, доносившийся из-за двери, ставил завершающую точку.

В эту ночь Лазарю, который долго маялся от бессонницы, наконец приснился сон: будто он лежит на залитой солнцем поляне, подложив руки под голову, и смотрит в бескрайнюю синеву неба, и ласковое журчанье ручейка убаюкивает его...

Его вырвала из забытья легшая на плечо тяжелая рука. В камеру вполз рассвет аспидно-серого цвета. Перед ним строго и торжественно стояли мужчины в черном. Один из них, с румяным лицом, был в куртке; другой — в одежде священника; третий был восково-бледен; четвертый отдаленно походил на мэтра Маршана, но он был рыжий и под метр восемьдесят ростом.

Один из вошедших, с удлинненным румяным лицом, официально-безразличным тоном провозгласил:

— Ваше ходатайство о помиловании отклонено...

Священник сказал:

— Будьте мужественны, сын мой...

Бледный худой человек, отвернувшись, извлек из продолговатого красного ящика лязгающие инструменты: машинку для стрижки волос, ножницы. Потом он промолвил:

— Час настал... — И голос его, хоть и тихий, перекрыл свежий говорок ручейка.

Лазарь был ошеломлен. Конечно, он знал, что этот час рано или поздно придет. Более того, он ожидал его прихода раньше и давно приготовился к этому... И все равно отреагировал, как напуганный ребенок, как больной, которого привезли на каталке к операционному столу. Подтянув одеяло к подбородку, он вжался в холодный угол стены. Сердце беспорядочно толкалось в ребра, от внезапно нахлынувшей слабости отнялись члены. К горлу подкатила тошнота. Еще немного — и он замарал бы свои холщовые штаны... Первая отчетливая мысль была о Лежанье.

— Сволочь! — процедил он сквозь стиснутые зубы. — Сукин сын!

Перед его глазами возник адвокат, каким он видел его в последний раз: обрюзгший, желтый, но слушающий его с вниманием. Тогда Лазарь был готов поклестся, что сумел разжалобить Лежанье и тот, пока не стало поздно, откажется от своих прежних показаний, признается, как все было на самом деле...

Ну все, баста! Зажравшийся сукин сын приперся уместить свой толстый зад по ту сторону решетки только ради того, чтобы внушить ему напрасные надежды, позлорадствовать над его agonией... Несмотря на заступничество Жоэллы, несмотря на собственную нечистую совесть...

— Сюда, сынок, да поживее! — (Человек-скелет оказался добродушным жизнелюбом.) — Садись сюда и не шевелись! — продолжал он отеческим тоном. — Мы и так опаздываем...

Видно, такова была его — что и говорить, весьма своеобразная — манера подбадривать приговоренных...

Лазарь тяжело опустился на указанный ему стул. Когда ножницы начали отгрызать ворот его рубашки, он вздрогнул.

Великий Лежанье с его пресловутой честностью! Великий Лежанье с его врожденным чувством справедливости! Худший из садистов, ослепленный навязчивой идеей, старый ревнивец, жаждущий мщения...

— Не шевелись, сынок! Уж скоро конец...

Лазарь не сомневался в этом.

— Предположим, вы отстрижете мне кусок уха или преждевременно перережете горло! Что вам за это будет, папаша? Благодарность или выговор?

— Выговор, сынок, выговор!.. Наклони-ка голову сюда... Вот так, мил человек, спасибо...

Лазарь послушно наклонял голову: старик пришелся ему по душе. При других обстоятельствах он мог бы с ним подружиться.

Потом он задал вопрос, которому сам же первый и удивился:

— Скажите, а... мэтра Лежанье случайно нет поблизости? — Слово «мэтр» далось ему с трудом. — Мне надо... э-э... переговорить с ним.

Последняя и единственная надежда. «Умилостивить госпожу

Немезиду у подножия эшафота», — мысленно закончил он, усмехаясь про себя.

Ему безликим официальным тоном ответил тучный официальный господин:

— Поверьте, я искренне сожалею, Лазарь. Но мэтра Лежанвье вчера вечером свалил сердечный приступ. Он уже ничем вам не поможет.

Так вот в чем дело!

— Вы хотите сказать, он отдал концы?

— Нет, но...

— Его пытаются откачать?

— В общем да.

— Что за несправедливость! — первый раз в жизни справедливо возмутился Лазарь. (Первый и последний!)

Утих лязг ножниц и стрекот машинки, и теперь было слышно лишь набожное бормотание священника, вверяющего Господу черную душу приговоренного.

Лазарь согласился выпить последний стаканчик рома и даже посмаковал его, хотя и не любил рома. Зато с негодованием отказался от протянутой ему пачки «житан».

— Ах нет, только не эту пакость. Засуньте их сами знаете куда!..

Вот так, с воспоминанием о небесной синеве перед глазами, с нёбом, возбужденным терпким ромом, в рубахе без ворота, с выстриженным затылком, с руками, накрепко связанными пеньковой веревкой, пылающий снаружи и заledenевший внутри, поддерживаемый одним и подталкиваемый другим, Лазарь выбрался на утренний холодок, услышал, как часы бьют четверть шестого (выходит, ему еще пожаловали пятнадцатиминутную отсрочку!), споткнулся, выругался, произнес: «Амины!» — и с запозданием — с большим запозданием, уже у подножия черного эшафота, чей худосочный силуэт мелькнул на фоне тусклой позолоты распятия, — убедился, что правосудие и впрямь слепо.

— *Клянусь вам, я невиновен! Клянусь вам перед Богом, это не я... Клянусь вам... Клянусь...*

Лестница все не кончалась, и каждая последующая ступенька казалась вдвое выше предыдущей.

— *Клянусь вам, я не убивал ее! Это Лазарь... Лазарь!*

Помост.

Бледный рассвет.

Люди внизу. Репортеры. Любопытные. И среди толпы, наверное, Жозелла, Билли, Дото...

А может быть, и Лазарь?

Приговоренный почувствовал, как его хватают за руки и за ноги, толкают на качалку.

— *Это не я! Это не я! — Его безумный вопль пере-*

крыл даже фабричный гудок.— Это не я! Это Лазарь, Лаз...

Щелчок, свист.

Нож гильотины упал на Лежанвье, вырывая его из липких объятий кошмара.

* * *

Жоэлла и мэтр Маршан первыми вошли в комнату с белыми стенами. За ними следовали Билли и священник. Было уже почти шесть утра, но раньше прийти они не могли.

— Все... Все кончено, В. Л.! — сказала Жоэлла, досадуя на себя за недостаток деликатности. — Зато я привела отца Ландри, который присутствовал при последних минутах жизни Лазаря... У него есть для тебя важное сообщение... Говорите, отец мой. Говорите быстрее...

Отец Ландри заговорил глухим голосом, с трудом преодолевая смущение:

— Лазарь, да упокой Господь его душу, перед тем как заплатить жизнью за свои прегрешения, простил вам, сын мой. — («Сын мой! Сынок! Интересно, по какому праву священники и палачи разговаривают одним и тем же отеческим тоном?» — хмыкнул про себя мэтр Маршан.) — Боюсь, я не смогу дословно передать вам сказанное им, но постараюсь...

В действительности Лазарь, перед тем как отдать богу душу, сказал вот что:

— От врачей я знал, что моя жена — вторая, чахоточная, — не дотянет до Нового года. Так что вскоре я мог бы жениться на Жоэлле — это был вопрос месяцев, а то и недель. По несчастью, Диана после моего глупого — на подушке — признания тоже это знала... В тот вечер она была словно бешеная, требовала, чтобы я откатался от малышки, чтобы мы уехали вместе... Она цепилась за меня, грозила своей пушкой, того и гляди, пальнула бы... Мэтр, снимаю перед вами шляпу! После истории с моим оправданием я думал, что взял вас за горло, но настоящая хватка — у вас!.. Я не раз повторял вам, что вы мне нравитесь, и вот вам подтверждение: я раскалываюсь, вместо того, чтобы унести свой секрет с собой в могилу... Так что бросьте расстраиваться, папаша, и снова надевайте адвокатскую мантию.. Вы не могли этого предвидеть, но благодаря вашему лжесвидетельству правосудие свершилось над дважды убийцей!

«Правосудие действительно свершилось, но каким извилистым путем, — размышлял мэтр Маршан. — Да, что бы там ни говорили, а неповоротливость — замечательное свойство судебной машины...»

Жоэлла, подойдя к кислородному тенту, схватила Лежанье за руку.

— В. Л.! — вскричала она, словно эта ледяная рука обожгла ее. — *Папа!*

Лежанье не ответил.

Он умер в пять утра.

То есть на четверть часа раньше Лазаря.

Совершенно напрасно терзаясь угрызениями совести.

В одиночестве.

Без отпущения грехов.

Ментона, 1958—1959 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
Часть первая	
Глава I	4
Глава II	12
Глава III	21
Глава IV	25
Глава V	29
Глава VI	30
Глава VII	31
Глава VIII	35
Глава IX	39
Часть вторая	
Глава I	46
Глава II	49
Глава III	53
Глава IV	56
Часть третья	
Глава I	64
Глава II	67
Глава III	70
Глава IV	75
Глава V	83

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«ПРИГОВОРЕННЫЙ УМИРАЕТ В ПЯТЬ»

Повесть

СТАНИСЛАС-АНДРЕ СТИМОН

Перевод с французского

Фирма «РОСА».

Редактор С. Л. Савенков.

Художник Хорошаев Е. В.

Технический редактор Лаврищева Т. В.

Корректор Кошкарева Н. Ф.

Сдано в набор 15.04.91 г. Подписано в печать 28.11.91 г.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Гарнитура тип Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 6,03. Уч.-изд. л. 6,24. Бумага тип. № 2.

Тираж 50000 экз. Зак. № 2965.

Отпечатано в типографии Челябинского полиграфического объединения
«Книга» управления печати и массовой информации
Челябинского облисполкома, ул. Северокрымская, 20.

